

НА ГОСПОДА ВОЗВЕРГАЮ НАДЕЖДУ!

ПИСЬМА МАТЕРИ. БЕСЕДЫ И ПОУЧЕНИЯ. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЖИЗНИ

САРДОНИКС, 2004 г.

ПИСЬМА МАТЕРИ

I

Христос посреди нас! Мира и радования желаю тебе, дорогая мама!

Шлю тебе иноческий привет, ныне я уже узник, и, хочется сказать, узник о Христе, ибо хотя я и грешен, но в данном случае совершенно неповинен, как мне кажется. Сижусь в темнице без предъявления мне какой-либо вины и, как видно, только потому, что я монах, что я трудился для обители. Да будет воля Божия, благая и совершенная! Благословляю Господа, на Господа надежду и упование возвергаю, в Господе отраду мою нахожу.

17-го сентября, помолившись за литургией и отслужив после нее молебен о твоём здоровье и прочих близких моих, я возвратился в келию и был арестован и отправлен в г. Козельск, в тюрьму, где и нахожусь. Со мною ещё четыре человека духовного звания, такие же узники о Христе, и потому среда, в которой я нахожусь, не тяготит меня, я даже благодушествую. Но, ожидая всегда смерти, я решил в день моего рождения обратиться к тебе, дорогой моей мамаше, с моим, быть может, последним словом и приветом. Да благословит тебя Господь! Как иерей, призываю на тебя Божие благословение и молю Господа: да воздаст Он тебе вечными милостями Своими и вечным блаженством за все то добро, какое я получил от тебя. Да почует на мне твое родительское благословение, которого усердно прошу у тебя. Помню тебя, и здесь, в заключении, приношу Богу мою молитву о тебе, хотя и слабую, по немощи моей. И себя и дорогую мне обитель нашу, тебя и всех предаю Господу Богу моему, Творцу и Промыслителю, ибо Он печется о всех и творит то, что нужно и полезно нам. Усердно прошу твоих святых молитв о мне,

грешном, о спасении моей грешной души – цели земной жизни. И что мне более нужно, если бы я достиг сей возжеленной цели? Потому прошу молитв о моем спасении. Твердо верю, что все в руках Божиих, и спокоен. Чаю жизни будущего века, аминь.

Прошу передать от меня Божие благословение маме крестной (прошу ее святых молитв и благословения), сестре и братьям и всем прочим родным и знакомым; о всех них молился всегда. Да благословит и спасет их Господь! У всех прошу прощенья, а наипаче у тебя, ибо ошибки мои сознаю. Прости.

Господь да будет со всеми нами!

Грешный иеромонах Никон.
26 сентября 1919 г. Козельск, тюрьма.

II

Христос посреди нас, дорогая мамаша! Мира и радования о Господе Иисусе усердно тебе желаю и прошу святых твоих молитв и родительского благословения!

О себе что писать мне? Я жив и здоров. Нужд никаких особых не имею, необходимое все получаю, тружусь несколько в письмоводстве, много занят бываю различными делами, касающимися вообще нашего общего жития, пою на клиросе и, наконец, служу, предстоя престолу Божию во святом алтаре.

Что касается моей внутренней жизни – и по келии, и по душе, – то это далеко не всем можно знать. Келия моя в длину имеет 5 аршин, в ширину 3 аршина 6 вершков, в одно окно; келия для меня дороже всяких пышных домов и чертогов. Что касается условий нашего общего жития, то это дело сложное и вместе очень простое. Сложное, ибо трудно изложить на бумаге все, что мы переживаем и предпринимаем, простое, ибо "еще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущие" (Пс. 126, 1).

Да, нужно принимать меры возможные, подсказываемые здравым разумом, а противные духу христианского и иноческого жития отвергать, но, принимая их, успеха ожидать должно всецело от руки Господней. Гордость человеческая говорит: "Мы сделаем, мы достигнем", и начинаем строить башню Вавилонскую, требуем от Бога отчета в Его действиях, желаем быть распорядителями вселенной, мечтаем о заоблачных престолах. Но никто и ничто не повинуется гордости, и бессилие человека доказывается со всею очевидностью горьким опытом. Наблюдая опыт сей из истории и древних давно минувших дней, и современных, прихожу к заключению, что непостижимы для нас пути Промысла Божия, не можем мы их понять, а потому необходимо со всем смирением предаться воле Божией. Это первое.

Затем второе. Никто и ничто не может повредить человеку, если сам себе он не вредит, а напротив, кто не уклоняется от греха, тому и тысяча спасительных средств не помогут. Следовательно, единственное зло есть грех. Иуда пал, находясь со Спасителем, а праведный Лот спасся, живя в Содоме. Эти и подобные этим мысли приходят мне, когда поучаюсь я в чтении святых Отцов и когда гляжу умственно на окружающее.

"Что будет? Как будет? И когда?.. Если случится то и то, куда приклониться? Если совершится то и то, где найти подкрепление и духовное утешение? О Господи, Господи!" – Недоумение лютое объедает душу, когда хочешь своим умом все предусмотреть, проникнуть в тайну грядущего, неизвестную нам, но почему-то страшную. Изнемогает ум: планы его, средства, изобретаемые им – детская мечта, приятный сон: проснулся человек – и все исчезло, сталкиваемое суровой действительностью; все планы рушатся. Где же надежда? Надежда в Боге: "Господь упование мое и прибежище мое!" (Пс. 17, 3).

В предании всего себя воле Божией мир в душе моей совершается, а она, воля Божия, всегда благая и совершенная. Если я Божий, то Господь меня защитит и утешит. Если для пользы моей пошлетя мне какое искушение, благословен Господь, строящий мое спасение. Даже при наплыве скорбей силен Господь подать утешение великое и преславное. Так я мыслю, так я чувствую, так наблюдаю и так верую. Из этого не подумай, что я много пережил скорбей и испытаний, нет, мне кажется, что я еще не видел скорбей. Если и бывали со мною переживания, которые по поверхностному взгляду на них, по своей видимости, казались чем-то прискорбным, то они не причиняли мне сильной сердечной боли, не причиняли скорби, а потому я не решаюсь назвать их скорбями. Но я не закрываю глаза на совершающееся и на грядущее, дабы уготовить свою душу во искушение, дабы можно было мне сказать псаломскими словами: "Уготовихся и не смутихся".

Я сообщал тебе, что у нас было следствие: ревизировали дела нашего Товарищества. Это следствие еще не кончено, суда еще не было. Когда будет суд и чем он кончится – Бог весть, но, несомненно, без воли Божией ни со мной, в частности, ни вообще с нами ничего совершиться не может, и потому я спокоен. А когда на душе спокойно, тогда чего же еще искать.

Сейчас я пришел от всенощной. Господи, какое счастье, какие чудные глаголы вещаются нам в храме!

Мир и тишина. Дух святыни ощутительно чувствуется в храме. Кончается служба Божия, все идут в дома свои. Выхожу из храма и я. Чудная ночь, легкий морозец. Луна серебряным светом обливает наш тихий уголок. Иду на могилки почивших старцев, поклоняюсь им, прошу их молитвенной помощи, а им прошу у Господа вечного

блаженства на небе. Могилки эти много вещают нашему уму и сердцу, от этих холодных надгробий веет теплом. Перед мысленными взорами ума встают дивные образы почивших исполинов духа.

В эти дни я неоднократно вспоминал батюшку о. Варсонофия. Мне вспомнились слова его наставления, данного мне однажды, а может быть, и не однажды. Он говорил мне: “Апостол завещает: “Испытывайте себя в вере ли вы” (2 Кор. 13, 5), – и продолжал, – смотрите, что говорит тот же Апостол: “Течение совершил, веру сохранил, а теперь готовится мне венец правды” (2 Тим. 4, 7-8). Да, великое дело сохранить, соблюсти веру. Поэтому и я вам говорю: испытывайте себя, в вере ли вы. Если сохраните веру, можно иметь благонадежие о своей участи”.

Когда все это говорил мне почивший старец (он говорил хорошо, с воодушевлением; насколько помнится, вечером, при тихом свете лампы в его дорогой мне, уютной старческой келии), я почувствовал, что он говорит что-то дивное, высокое, духовное. Ум и сердце с жадностью схватывали его слова. Я и прежде слышал это апостольское изречение, но не производило оно на меня такого действия, такого впечатления. Мне казалось: что особенного, сохранить веру? Я верую, и верую по православному, никаких сомнений в вере у меня нет. Но тут я почувствовал, не скажу, что понял, а именно почувствовал, что в изречении этом заключается что-то великое, действительно великое: несмотря на все искушения, на все переживания житейские, на все соблазны, сохранить в сердце своем огонь святой веры неугасимым даже до смерти, ибо сказано “течение совершил”, то есть земная жизнь уже прожита, окончена, уже пройден путь, который надлежало пройти. Я уже нахожусь на грани земной жизни, за гробом уже начинается иная жизнь, которую я соблюл. “Течение совершил, веру сохранил”.

Ныне, когда поколебались устои Православной Российской Церкви, я вижу, как драгоценно наставление старца. Теперь как будто пришло время испытания – в вере ли мы. Ведь надо знать и то, что веру соблюсти может тот, кто горячо и искренно верует, кому Бог дороже всего, а последнее может быть только у того, кто хранит себя от всякого греха, кто хранит свою нравственность. О, Господи, сохрани меня в вере благодатию Твоею! Ведь мысль о возможности сохранения веры лишь при доброй нравственности не моя – это учение Евангельское и святоотеческое. Вот что говорится в Святом Евангелии от Иоанна: “Свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны” (Ин. 3, 19-21).

Светом тут Христос называет Себя. Он убеждал современных Ему иудеев оставить искание славы от человеков, при котором невозможно искание славы от Единого Бога, при котором человек не способен к вере. Они лишь насмеялись. "Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищите?" (Ин. 5, 44). И епископ Игнатий (Брянчанинов) говорит, что "подобно другим страстям, страсть тщеславия уничтожает веру в сердце человеческом, подобно им, она делает сердце человека не способным для веры во Христа, для исповедания Христа". Поэтому усердно прошу твоих святых молитв, да хранит меня Господь от всякого зла, то есть греха во всех его видах, тогда никакое внешнее положение не сможет повредить мне.

Хотел я лишь кратко сообщить тебе, что я здоров и жив, и паче всякого чаяния, увлекся писанием. Писав это письмо, я едва успевал следить за мыслью и записывать то, что она мне диктовала. Все это как-то невольно вылилось из под пера и есть глубокое мое убеждение.

Да хранит всех вас Господь! Прошу у всех святых молитв, а я по мере сил моих немощных всегда памятую молитвенно о всех. Прости.

Благодать Господа и Бога нашего Иисуса Христа и любви Бога и Отца и причастие Святаго Духа буди со всеми вами! Аминь.

15–16 ноября (уже второй час ночи), 1922 года. Оптиная пустынь.

БЕСЕДЫ И ПОУЧЕНИЯ

I

Беседа с духовными детьми (после всенощного бдения)

Поздравляю вас с праздником! Бог дал, отслужили мы с вами еще раз всенощную, быть может, в последний раз, а может, и не в последний. Может, Господь приведет нас еще собраться вместе когда-нибудь помолиться. Но так или иначе, а возможно, что нам придется разлучиться и разойтись в разные стороны. Может, вы и будете иметь возможность видеть меня и бывать у меня в Козельске, хотя, вероятно, и не так удобно, и не так часто. Но это не особенно важно.

Ведь духовный отец нужен для чего? – Чтобы при помощи его незаблудно шествовать и достигать Царства Небесного. А для этого необходимо, главным образом, исполнять наставления, советы и

указания духовника на деле, и жительство свое проводить благочестиво. Были примеры, что некоторые имели возможность часто бывать у старца, непрестанно слышали его наставления, даже жительствовавали с ним и, несмотря на все это, оставались бесплодными. А другие редко имели возможность бывать у старца и краткое слышать удостаивались наставление, но преуспевали...

Так вот не в этом сила, чтобы часто бывать у отца духовного, а в том, чтобы исполнять его наставления, чтобы не быть бесплодными. И я прошу вас: постарайтесь, чтобы не погибли мои убогие труды. Считаю нужным напомнить вам, что я всегда обращал особенное внимание на тщательную исповедь. Есть указание у св. Отцов и у епископа Игнатия (Брянчанинова), что греховные навыки и страсти не поддаются врачеванию без исповеди. Всякое врачевание будет неполным и недостаточным без исповеди, а при помощи исповеди они удобно искореняются. Потому я прошу вас всегда обращать особенное внимание на исповедь, всегда тщательно готовиться к ней и чистосердечно исповедовать все свои согрешения. И я всегда старался неспешно и тщательно всех вас исповедовать, подробно расспрашивая о ваших грехах, чтобы ничего не оставалось на совести. А если кто по неразумению не все откровенно и чистосердечно исповедал, то пусть исповедует, чтобы совесть не оставалась оскверненною.

Духовника бояться нечего и стыдиться его не должно. Духовник знает все грехи, знает, так как у него не одна душа, а сотни исповедуются, и его не удивишь никаким грехом, как бы они велики и тяжки не были. Наоборот, всякий исповеданный тяжкий грех возбуждает во мне особенную заботу о душе, и я никогда не изменялся и не могу измениться в своем отношении к ней, какие бы ни были исповеданы ею согрешения, напротив, я еще больше о ней болею, беспокоюсь, забочусь о ее врачевании и спасении.

Поэтому старайтесь ничего не скрывать, старайтесь чисто исповедоваться. Тщательная исповедь необходима, а с ней вместе необходима и добрая нравственность, благочестивая жизнь, жизнь по заповедям Божиим. Старайтесь иметь душевную и телесную чистоту, старайтесь после исповеди уже не грешить сознательно, произвольно, не грешить в надежде на покаяние: таковой повинен в хуле на Духа Святого. Сознательно согрешать с безрассудной надеждой на благодать Божию и думать: "Ничего, покаюсь" – это есть хула на Духа Святого. Бойтесь сего и блюдите себя от произвольных согрешений.

Иное дело – бесстрашно, сознательно грешить и не каяться, а другое – когда человек не хочет грешить, плачет, кается, просит прощения, но по немощи человеческой согрешает. Ведь человеку свойственно согрешать, падать. Но не должно унывать и приходить в чрезмерную печаль, если и придется согрешить. А вот не каяться свойственно только бесам. Поэтому каяться необходимо.

Старайтесь исправляться, иметь добрую нравственность, хранить не оскверненною во всех отношениях совесть. Если не будет доброй нравственности, невозможно будет сохранить в чистоте и святую веру. Поэтому обращаю особенное ваше внимание и на это. Прошу вас жить благочестиво, чтобы никто и ничто, никакие обстоятельства, никакие скорби не могли отторгнуть вас от веры, а для этого нужно непременно молиться, просить помощи Божией сохранить веру свою непорочную.

Молитва необходима, и я прошу вас: упражняйтесь неопустительно и не ленивостно в молитве. Исполняйте свои молитвенные правила. Если нельзя почему-либо исполнить все правило, то постарайтесь исполнить хотя бы половину... хоть некоторую часть его исполните. Старайтесь не оставаться ни одного дня без молитвы. Сказано в правилах монашеских, что кто не исполняет правила своего, кто не читает часов первого, третьего, шестого и девятого и изобразительных, тот не должен вкушать и является душою своею мертв пред Богом.

Пребывайте в молитвенном делании и знайте, что если оставите молитву, если будете опускать правило, незаметно дойдете до такого состояния, что при желании молиться, даже при сильной потребности не сможете этого сделать. Хотела бы душа помолиться, но сердце черствое и холодное, и будешь стоять как чурка. Молитвой испрашивается помощь Божия, привлекается Божие благословение. Будет человек призывать благословение, и оно придет к нему. И наоборот, как сказано: "И восхоте благословение и удалится от него" (Пс. 108, 19). Старайтесь молитвой испрашивать Божие благословение, и приидет благословение и помощь Божия. Да, так-то.

Исповедь, благочестие или добрая нравственность и молитвы необходимы в деле спасения души, но это только еще листья, необходимо же принести плоды доброделания. А плоды суть следующие: кротость, смирение и любовь (Гал. 5, 24). "На кого воззрю, только на кроткого и молчаливого, и трепещущего словес Моих" (Пс. 60, 21). "Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем", – и далее сказано: "и обрящете покой душам вашим" (Мф. 11, 29).

Если будете уступать друг другу, если будете благочестивы, во всех заповедях Божиих непорочны, то душа ваша будет покойна, к вам придет мир Христов, "мир, всяк ум превосходящий" (Флп. 4, 7), и покой душевный будет таким, что не будете уже бояться никакого зла.

В церкви часто поют, и вы, вероятно, не раз слышали: "Праведник от слуха зла не убоится" (Пс. 111, 7). Если же мы боимся, беспокоимся и смущаемся еще только слыша о хотящих прийти напастях, о грядущих бедствиях и зле, то этот страх наш изобличает нас в том, что мы далеко не праведники, а грешники и потому должны

смиряться. Если же мы приобрели кротость, будем смиренны, если мир будет в сердцах наших, то тогда исполнится и то: "Посему узнают все, яко ученицы Мои есте, аще любовь имате между собою" (Ин. 13, 35). Имейте любовь, уступайте друг другу, не ссорьтесь, прощайте, смиряйтесь один перед другим, воздавайте один другому честь, не себе угождайте, а ближним, будьте всегда в любви.

Все, что относится к внешним условиям нашей жизни, второстепенно. Все это не важно, все это тоньше паутины. Главное – то, с чего я начал и чем кончаю. Я внимание обращаю, собственно, на души ваши, главное – в спасении своей души. Постарайтесь, чтобы мои убогие труды ради спасения душ ваших не пропали даром. Постарайтесь, повторяю вам, очищать души исповедью, иметь добрую нравственность и благочестие. Приобретайте кротость, смирение, молитву. Стяжите любовь. В остальном же, во всей внешности нашей жизни, предадимся воле Божией. Ибо воля Божия всегда благая и совершенная, и ни один волос с головы вашей не упадет без воли Божией (ср. Мф. 10, 29-30; Лк. 21, 18). Прошу ваших святых молитв, а вас вручаю всех покрову Царицы Небесной.

И не плачьте о мне. Ведь я монах, я давал обет терпеть всякое озлобление и укоризну, поношение и изгнание, и если сие сбывается, если терплю, то радоваться подобает: так совершается чин пострижения на деле, и не надо унывать, а вы слезы льете. Сказано: "Радоваться подобает, когда во искушения впадаете различные" (ср. Иак. 1, 2).

Помню, когда я был еще Николаем, батюшка о. Васонофий сказал надо мною молитвенно такие слова: "Господи! Спаси сего раба Твоего! Буди ему Помощник! Защити его, когда он не будет иметь ни крова, ни приюта". Аминь.

15 июня 1924 г. Оптиная пустынь

II

Беседа в день святых апостолов Петра и Павла (на всенощном бдении)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Одна раба Божия пришла как-то ко мне и просила меня объяснить ей значение слов 136-го псалма "На реках Вавилонских". Я ей обещал исполнить ее просьбу, и затем мне пришла мысль сказать всем вам несколько слов на эту тему, так как этот псалом весьма подходит к нам, инокам, и в особенности теперь, когда нас изгоняют из святой обители. Наше настоящее скорбное переживание весьма сходно с переживанием иудеев, когда их лишили отечества, их возлюбленного Иерусалима, их святого храма и повели в плен. Нам подходяще

значение и смысл сего псалма, ибо в нем слышится скорбь и плач, подобные тем, кои ныне преисполняют и наши сердца.

В псалме оплакивается судьба Иерусалима и иудеев. Пленение Вавилонское было им попущено за их согрешения. И когда их вели в плен в Вавилон, они, принужденные ведущими их вавилонянами к пению, горько плакали, вспоминая свое отечество, свой славный город Иерусалим, свой храм: как им было там хорошо, какого они лишились блага, счастья, свободы и удобства к служению Господу. Они скорбно восклицали: "Како воспоем песнь Господню на земли чуждей? Прильпни язык мой гортани моему, если забуду тебе, Иерусалиме", – то есть если будем искать иного утешения, кроме тебя!

Подобную скорбь, подобную печаль переживаем и мы, иноки, в настоящее время: нас гонят из монастырей, хотят, чтобы мы забыли свои обители, чтобы оставили образ иноческого жития, чтобы начали иную жизнь, мирскую, чтобы пренебрегли своими монашескими обетами. Но... нет! Пусть и наш язык прилипнет к гортани нашей, если мы забудем свои монашеские обеты, оставим служение Господу, пренебрежем Его святыми заповедями и пойдем по широкому пути мира сего в забвении и грехах. "Прильпни язык мой гортани моему, аще не помяну тебе, Иерусалиме". Да не будет этого с нами!

Будем всегда неизменно помнить, как хорошо нам было в святых обителях, в которых самая обстановка, условия жизни и, вообще, все возбуждало в нас желание служить Господу, исполнять Его святыя заповеди, побуждало хранить свою совесть, очищать сердце от страстей, рождало хорошие и благочестивые чувства и мысли, где все нас располагало к богоугодному житию. Хотя теперь и силятся отнять от нас все эти удобства для духовного делания, но мы не забудем своих обетов, не оставим своего иноческого жития, будем стремиться служить Господу в усердном исполнении Его святых заповедей, хотя бы и в мирской обстановке.

Я замечаю, что многие из вас весьма скорбят о том, что приходится переселяться в иное место. Я сам на днях должен буду тоже выехать отсюда. Жаль оставлять обитель, невольно делается грустно. Но хотя эта печаль вполне естественна и понятна, все же нам не следует забывать, что все это внешнее, а потому и не имеет первостепенной важности, что это совсем не то, о чем нам должно по-настоящему скорбеть. По преимуществу в сегодняшней нашей печали не должны мы плакать и скорбеть безутешно, хотя нас и разбрасывают, и разлучают, и принуждают насильно оставлять святыя обители наши. Ведь здесь, как и во всем, есть воля Божия, попускающая претерпевать нам сие за грехи наши, да и сказано еще: "Блаженни есте егда разлучат вас и поносят вас" (Лк. 6, 20).

Не о чем нам скорбеть, а нужно нам глубже вникнуть в самих себя и тщательно проследить за своими помыслами, чувствами и плакать о имеющихся в нас страстных, греховных чувствах, желаниях и помышлениях. Их должны мы непременно изгнать, как Богу не угодные, и, изгнав, уже отнюдь не допускать в свое сердце, ибо не можем мы в страстном состоянии "петь песнь Господню". Невозможно сердцу страстному, сердцу не очищенному возглашать хвалебные гимны Богу. Такому оскверненному грехами сердцу приличны не хвалебные гимны, а горький покаянный плач о своем греховном страстном состоянии, плач о греховном своем пленении и молитвенное вздыхание ко Господу о помощи. Необходимо очистить сердце свое от всякой греховной скверны, ибо только чистым сердцем можно воспевать Богу "песнь нову". "Терпя потерпех Господа", в подвиге ради Царства Небесного, "и внят ми, и услыша молитву мою. И возведе мя от рова страстей и от брения тины и постави на камени" веры Христовой "нози мои и исправи стопы моя", то есть, направив и утвердив в делании святых заповедей Божиих, "и вложи во уста моя песнь нову, пение Богу нашему" (см. Пс. 39, 1-4).

Итак, мы должны на все смотреть глубже, с духовной стороны, ибо Господь, по слову Апостола, "всем хочет спастись" (1 Тим. 2, 4), а любящему Бога все споспешествует во благое (ср. Рим. 8, 28), все служит средством для спасения. То есть все внешнее при помощи Божией и при своем искреннем желании можно обратить во благое себе. Единственно зло есть грех. И св. Отцы, усматривая во всем внешнем духовный смысл, так истолковывают этот псалом: под пленом Вавилонским разумели они пленение души человека грехом, когда человек находится в плену у греховных страстей. "Како воспою песнь Господню на земли чуждей?" – так восклицали они, чуждою землей называя страстное состояние сердца. Невозможно в страстном состоянии богословствовать, петь хвалебные песни Господу, – нужно плакать. Непременно нужно прежде всего озаботиться и постараться землю сердца своего очистить от всего страстного, порочного, от всяких греховных помыслов и чувств покаянным плачем.

"Дщи Вавилоня окаянная. Блажен, иже имет и разбьет младенцы твоя о камень" (Пс. 136, 8). Многие поражаются кажущейся им в этих словах жестокости, понимая все буквально. Правда, в Ветхом Завете именно так и понималось. Но в Христовой новой благодати это понимается совершенно иначе. Младенцами, как объясняют Отцы, здесь именуется возникающие страстные движения в самом начале их возникновения, как только они рождаются, так сказать, в их младенчестве. Нельзя дать им возрасти, но, пока они еще малы и не укрепились, их надо уничтожать – разбивать о Камень. А Камень есть Христос (см. 1 Кор. 10, 4). Бей именем Иисусовым, умерщвляй, уничтожай молитвой Иисусовой и вообще средствами благодати Христовой сих младенцев Вавилонских. Вот какое глубокое понимание слов этого псалма оставили нам св. Отцы!

Невольно вспоминаю здесь сон батюшки о Варсонофия, лично мне им рассказанный. Видел он себя в каком-то храме, стоящим высоко на хорах. Перед ним проходят младенцы – чередой, один за другим. Идет мимо него по хорам один, падает и разбивается о пол. Другой точно также проходит, падает и разбивается, также третий... и все они падают и разбиваются. Один из них задержался было возле батюшки, видимо, желая привлечь к себе его внимание и сочувствие, но батюшка на него гневно прикрикнул, и он упал с хоров и разбился. Так и в действительности разбивались батюшкой о Варсонофием Вавилонские младенцы о Камень. Так действительно побеждал он страсти духовные силою Христовою, именем Иисусовым: "Блажен иже имет и разбьет младенцы твоя о Камень" Не задерживались в сердце батюшки лукавые помыслы и движения страстные – эти младенцы Вавилонские, – падали и разбивались о Камень.

Так и нам не надо никогда останавливаться на помыслах: пусть идут мимо. Если они пришли, отражайте их Иисусовой молитвой. Пусть не находят они в сердцах ваших сочувствия себе. Старайтесь очищать свои сердца. Для того-то и необходима, как я не раз говорил вам, кроме молитвы Иисусовой, памяти Божией, тщательная и откровенная исповедь. А я должен с прискорбием заметить, что некоторые из вас не только не открывают свои недостатки, но даже обманывают меня, духовного отца своего, лгут мне. До сих пор я не говорил этого, не обличал по причинам, мне известным, но вот теперь говорю вам, что вижу и замечаю, как меня обманывают иногда, и это огорчает меня. К духовнику надо иметь откровенность и искренность, а не лукавство.

Старайтесь тщательно очищать сердца свои от всего нечистого Богу угодной и откровенной исповедью, Иисусовой молитвой и исполнением заповедей Божиих, ибо только очищенное сердце может петь песнь Господню.

Приходит мне тут на память и другой псалом (100-й), который читается на первом часе: "Милость и суд воспою Тебе, Господи...", ибо в том псалме также можно видеть учение о внутреннем делании и молитве Иисусовой. "Во утрия избивах вся грешныя земли..." (Пс. 100, 8). Во утрия, то есть в самом начале, в самом зачатке, как только появятся эти "грешники земли" – страстные проявления сердца нашего, "младенцы вавилонские", – так и должно их "избивать". Смысл сего псалма много уже вам разъяснялся, могу и еще повторить кратко. Под пением Господу разумеется добрая жизнь, путь непорочный, совершаемый исполнением всех заповедей Божиих. Когда человек во всем живет непорочно, когда единственное желание его – соединение с Господом в молитве и вообще в духовной жизни, он восклицает: "Когда же Ты, Господи, придешь ко мне?" (ср. Пс. 100, 2). Человек испытывает себя, следит за собой и видит, что не причастен он злым делам, и просит Господа прийти к нему.

В молитве Иисусовой, в хранении сердца, в трезвении и внимании, в милости и духовном рассуждении проводит жизнь свою человек, не позволяет себе иметь на кого-либо злого сердца, не устремляет очей сердца своего на что-либо, противное Закону Божию, удаляется законопреступного дела по ненависти ко греху и греховным помыслам и чувствам. Настолько противен человеку грех, что он не оказывает его проявлениям в себе никакого внимания: приходил враг, хотел соблазнить раба Божия на грех какой-либо, но, так и не успевши в своем намерении, отошел от него. Не усладился раб Божий предлагаемым грехом, не обратил никакого внимания на него, даже не познал, с каким именно видом греха приходил враг. "Уклоняющегося от меня лукавого не познах" (Пс. 100, 5). Истинный раб Божий изгоняет из своего сердца всякий помысел, клеветущий на ближнего, не позволяет себе осуждения, гордости, зависти, ненасытности.

Все внимание подвижника, блюдущего сердце свое, обращено "на верная земли" – на благие помыслы и чувства, одобряемые верою Христовою, ибо они помогают идти путем непорочным. Внимает он благим помыслам и чувствам и отвергает всякое зло, чтобы не жило посреди дома его душевного что-либо гордо-лживое, греховное, одним словом – "избивает во утрия вся грешная земли, чтобы истребить от града Господня вся делающие беззакония". "Делающими беззакония" называется всякий грех, ибо грех есть беззаконие, а "градом Господним" – душа, ибо душа человека предназначена для обитания в ней Господа, как и сказано Самим Господом во Святом Евангелии: "Приидем к нему и обитель у него сотворим" (Ин. 14, 23). А вход Господа в душу человека готовится изгнанием из человека всякого греха.

Вот какие мысли рождаются в душе при углублении в смысл этого псалма. В нем говорится про внутреннюю жизнь человека, уже побеждающего страсти, близкого к совершенству, уготовляющего свое сердце для принятия Господа. А в псалме "На реках Вавилонских" также говорится про внутреннюю жизнь, но человека еще не очистившегося от страстей, хотя и сознающего свое греховное состояние, желающего освободиться от него и потому ублажающего тех людей, кои уже побеждают страсти: "Блажен иже имет и разбьет младенцы о Камень".

Нам, страстным, еще не очищенным от страстей, еще находящимся в плену Вавилонском, прилично плакать о грехах своих и должно стараться во утрия избивать грешников земли сердца нашего, пока они еще младенцы. Об этом будемте молиться Господу, прося Его всеильной помощи, а остальное все предадим в волю Божию. Будем молиться Господу, да поможет Он нам соделывать свое спасение и никогда не забывать своих обетов иноческих... Прошу вас молиться и обо мне, чтобы мне начать жить и хоть на чуточку осуществлять свое исправление.

Мир вам и спасение! Аминь.

29 июня 1924 г., суббота. Оптиная пустынь.

III

Беседа с духовными детьми

Однажды я раскрыл свой дневник на той странице, где написано, как батюшка о. Варсонофий говорил мне: “Один мирянин спросил меня:

– Скажите батюшка, как мне жить?

Я подумал: что мне ответить ему, какое краткое назидание сказать? Потом и говорю:

– Вы читали Псалтирь?

– Да, читал.

– Если читали, то должны помнить, что там есть в одном месте такие слова: "Наставит кроткия на суд, научит кроткие путем своим" (Пс. 24, 9). Что же означают эти слова? А эти слова означают то, что путям Господним учит Сам Господь, а не человек. Да, путям Господним может научить только Сам Господь, но не всех людей учит Он, а только кротких, потому что, кто смиряется сердцем, тот делает душу свою способной к принятию божественного научения. Только таких учит Господь”.

На этом в моем дневнике поставлена точка. Но я размышлял вчера долго об этом и пришел к более подробному рассуждению. Я рассуждаю, что если бы путям Господним мог научить человек, то есть мог научить, как надо жить, чтобы спастись, то ученые богословы были бы первые спасающиеся. Но не так на деле, – весьма многие ученые люди не идут путем Господним. Возьмем, например, богословов, окончивших Духовную Академию: как часто они идут не путем Господним, а наоборот, путем греха. Приходилось встречаться с людьми, окончившими курс богословских наук и говорившими, что они согласны были бы заниматься чем угодно, только не богословием; и в то же время они хвастаются, что знают дух христианский, и даже сочинения духовные пишут.

Но что же нужно человеку, чтобы научиться путям Господним? Нужно, чтобы человек был кротким, смиренным, и тогда Господь Сам научит, как идти Его путем. Знать это особенно важно в настоящее время, когда так заметно оскудение наставников. Смирись при помощи Божией, будь кротким, не имей злобы на ближних,

уготовь кроткой и доброй жизнью свою душу для восприятия божественного научения, и Господь Сам научит тебя путям Своим.

Если станем просматривать Псалтирь, то увидим, что там есть много выражений, говорящих про пути Господни и духовное разумение их. Например, "Наставит кроткия на суд". Это изречение истолковывается так: людей кротких Господь сподобит духовного рассуждения, – так понимает это епископ Игнатий (Брянчанинов).

В псалме первом, который начинается словами "Блажен муж", написано: "Сего ради не воскреснут нечестивии на суд, ниже грешницы в совет праведных" (Пс. 1, 5). Это выражение толкует святитель Игнатий так, что никакая нечестивая и грешная душа не поднимется на духовную высоту, не будет иметь духовного рассуждения. Сам еп. Игнатий проводил жизнь христианскую, подвижническую, и он сподобился духовного рассуждения и мог духовно разумевать учение Христово и вообще все Священное Писание. Итак, человек кроткий будет наставляться на путь Христов Самим Господом.

Дальше в Псалтири есть такое выражение: "Все пути Господни милость и истина" (Пс. 24, 9). По толкованию батюшки о. Амвросия, эти слова означают, что пути Господни требуют от человека двух вещей – милости и истины. Как же следует понимать это? А вот как. Все желающие непорочно проходить пути Господни должны оказывать всякую милость и снисхождение по отношению к ближним, хотя бы и согрешающим, а от себя требовать исполнения всякой истины, всякой законной правды. По отношению к себе мы должны быть неумолимыми судьями: все свои поступки мы должны строго выправлять по заповедям Закона Божия. К ближним же мы должны быть всегда милостивыми и снисходительными. И вот это-то и будет признаком, что человек идет по пути Господню.

Если человек не будет требовать от себя исполнения заповедей Господних, то он не сможет проходить пути Господни, а потому и не будет истинным христианином. А если будет исполнять их – при всяком звании и положении внешнем будет христианином. И чиновник на почте, и архимандрит, и епископ – все могут исполнять заповеди Христовы, творить добродетели Евангельские, все могут быть истинными последователями Христова учения. "Все пути Господни милость и истина". Если мы будем наблюдать за собой, чтобы осуществить в жизни своей "милость и истину", тогда и будем находиться на пути Господнем и будем проводить христианскую жизнь. Некоторые люди к себе бывают снисходительны, а к ближним немилостивы, просто иногда даже душу ближнего готовы истязать, а надо поступать наоборот.

Вот как хорошо записать полезную мысль или изречение! Я вот забыл про это толкование, а дневник мой напомнил мне. Добавлю, что современные толкования не удовлетворяют меня. Правда и в них

есть кое-что, есть высокие мысли, но все-таки этого недостаточно и всегда остается желать большего. Современные толкователи толкуют все, главным образом, с исторической точки зрения, а не духовно-таинственной. Но бывает, что человек находится под особенным озарением духовным, тогда проявляется в его толковании и глубокий таинственный смысл. Это духовное озарение посещало св. Отцов. Это ясно видно в их писаниях. Иногда и от одного слова Священного Писания, приведенного в подтверждение той или иной мысли, сразу открывается глубокий смысл.

17 июля 1925 г. Оптиная пустынь

IV

Слово на евангельское чтение Мф. 14, 23-33 (после литургии)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Всякое Евангельское повествование имеет всегда два значения, два смысла: одно внешнее, всем понятное, а другое – внутреннее, глубокое, таинственное, не для всех понятное. Так и нынешнее Евангелие, которое читалось во время литургии, по внешнему содержанию своему ясно для всех и понятно, а внутренний его смысл, может быть, понятен не для всех. Постараемся раскрыть его перед вами.

Море, по которому плыли ученики во время бури, есть море житейское, мир сей. Это – окружающая нас жизнь с ее волнениями, скорбями, нуждами и искушениями. Ученики плывут по морю, оно бушует вокруг них. Так и мы плаваем по морю житейскому, обуреваемы волнами скорбей и искушений, которые находят на человека от мира, плоти и диавола. И вот во время бури, среди вздымающихся волн перед учениками является Христос. Он шел по водам этого бурного моря, но ученики не поверили, думая, что это призрак, что это одно их воображение.

Так и в житейском плавании, когда постигают человека испытания, вздымаются волны искушений, человек ищет помощи повсюду и не находит нигде, везде обманывается в своих надеждах. Ему кажется, что всеми он оставлен – и Богом, и людьми, – приходит он в уныние, почти в отчаяние... Но Господь близ. Он идет к нам и простирает нам Свою божественную помощь. Он готов помочь нам всегда, каждую минуту, но мы не верим, думаем, что и здесь нет надежды, что это – так себе, мечта, призрак, и помощи нам ждать неоткуда. И многие, уже не веря в помощь свыше, совершенно отвергают эту божественную помощь, перестают искать ее в Боге, ища ее в средствах мира сего.

Некоторым же, когда они нигде не нашли себе помощи, ибо "суетно спасение человеческое", приходит мысль: а может быть, попытаться еще раз прибегнуть к Богу, еще раз обратиться к средствам помощи божественной, и, подобно Петру, они говорят: "Господи, если это Ты, если Ты можешь помочь, то повели мне прийти к Тебе по волнам". И вот смотрите, Христос говорит Петру: "Иди". И несмотря на бурю и волны, Петр пошел. И пока он шел, глядя на Христа небоязненно, волны его не потопляли, но когда оторвал он свой взор от Христа и стал смотреть на волны бушующего моря, – испугался, усомнился и начал тонуть.

Так и человек, когда пойдет по указанию веры Христовой за божественной помощью, то первое время сохраняет бодрость и под влиянием божественного озарения идет твердо, с надеждой. Но когда взоры ума своего – мысли и чувства – отведет он от Христа, от Его божественной помощи и обратит их на клокающие волны моря житейского, на скорби и искушения, то начнет слабеть и не может не поколебаться в вере.

Пусть море бушует, пусть скорби восстают со всех сторон, не обращай на них внимания, гляди на Христа, помни, что близ Господь, "жив Господь: и жива душа моя" (1 Цар. 20, 3). Господь всегда готов прийти к нам на помощь!..

И даже когда человек теряет веру и уже утопает, убоявшись волн скорбей и искушений, не найдя нигде помощи, он может, подобно Петру, ухватиться за последнюю надежду и возопить: "Господи! Спаси меня, погибаю!" И в великом смирении прибегает ко Христу, Господу своему, просит Его божественной помощи. А Господь говорит ему: "Почто усомнился, малoverный? Вот Я около тебя", – и берет за руку. Тогда скорби и переживания житейские уже не производят на него своего действия, не могут одолеть его, не колеблют его сердца. Господь берет человека за руку и воздвигает его, как говорится в псалме: "Воздвизаяй от земли нища" (Пс. 112, 7), – на высоту возводит его.

Надо знать, что божественное о нас промышление не изымает нас от скорбей совершенно, не удаляет их от нас совсем и не избавляет нас от искушений, не исхищает от них полностью, но подает нам силу, твердость и мужество побеждать их. Посмотрите на целый сонм святых угодников Божиих. Господь не изымал их от напастей, не избавлял от скорбей, но давал им твердую волю, твердую надежду, чтобы не колебаться им даже среди лютых испытаний. И действительно, ничто не могло их поколебать, как и говорит св. Апостол: "Ни скорбь, ни глад, ни меч, ни беда, ни высота, ни глубина..., ничто не может отлучить нас от любви Божией" (ср. Рим. 8, 39). И Христос молился о Своих учениках и просил Бога Отца: "Не молю, чтобы Ты взял их от мира, но чтобы сохранил их от неприятности" (ср. Ин. 17, 15). Господь попускает искушения, но вместе с тем дает и силу переносить эти искушения. Пока Петр

взирал на Христа, то и шел по водам, – ему дана была власть, дана от Божественного Спасителя сила идти, и он шел. Хотя буря не прекратилась, волны не улеглись, и под его ногами по-прежнему было клокочущее море.

Когда и нас постигают скорби и искушения, нам во время их нашествия необходимо иметь особенную твердость и мужество. Надо знать, что беспечального места и беспечального положения не было, нет и не будет на земле. Беспечальное место может быть только в нашем сердце. Если сердце будет полно любви божественной, то оно будет беспечально, спокойно, и никакие скорби не будут страшны. Когда Божественный Спаситель вошел в корабль к ученикам Своим, когда они соединились со Христом и увидели, и почувствовали Его рядом с собой, то, как сказано в Евангелии, "преста ветр и бысть тишина велия" (см. Мф. 8, 26). То же самое происходит и с человеком. Если мы будем со Христом и во Христе, то никакая скорбь нас не смутит, радость же наполнит наше сердце так, что мы и в скорбях и во время искушений будем радоваться. Если Христос будет в сердце человека, если сердце его будет полно божественной любви, то никакое земное переживание житейское не привлечет к себе нашего внимания. Христос – эта Единая, Истинная, Нетленная Красота – будет привлекать сердце человека превыше всех иных переживаний.

Св. Амвросий, епископ Медиоланский, великий угодник Божий, размышляя однажды о Божественной литургии, которую мы только что совершили, в восторге восклицал, называя Христа Хлебом Небесным: "Хлебе Сладчайший, уврачуй устне сердца моего, да чувствую во мне любви Твоя сладость, исцели всяк недуг, да, кроме Тебе, никоея же пожелаю красоты. Хлебе Чистейший, всякия сладости и благовония преисполненне, вниди в сердце мое и сладостию благовония Твоего наполни внутренняя души моя. Тобою питаются Ангели на небеси преизобильно: да насытятся по силе своей Тобою и пришлец-человек на земли. Хлебе Святыи, Хлебе Живый, Хлебе Возжеленне, сходяй с небесе и давай живот мирови, вниди в сердце мое и очисти мя от всякия скверны плоти и духа... буди моею хранением всегдашнее души и тела здравие". Так взывал святой угодник Божий, ибо сердце его горело любовью ко Господу. Он желал, чтобы никакая тленная красота мира не отторгла его сердца от Христа.

Я не могу требовать от вас и от себя такой пламенной любви ко Господу, какою горел этот Святитель Божий. Это и невозможно для нас сразу. Но все же можно и даже должно нам всегда, и особенно во искушениях, по силам прибегать ко Господу Иисусу Христу, взывать к Нему, искать помощи именно у Него, именно к Нему прилеплять сердце свое. Если будем прибегать ко Господу, то Он посетит нас, покроет от всяких искушений, будет для нас "столпом крепким от лица вражия" (Пс. 60, 4) и приведет нас неизбежно к крайнему

пределу наших желаний и стремлений, к вечному блаженству в Царствии Небесном. Аминь.

27 июля 1925 г. Оптиная пустынь

V

Слово перед молебном Спасителю в честь Нерукотворного Его образа

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

В нынешнем Евангелии вы слышали такие слова: "Иисус утверди лице Свое идти во Иерусалим на подвиг Свой" (см. Лк. 9, 51-53). В духовном смысле это означает, что всякий христианин, который, подобно Христу, решит идти в горний Иерусалим, то есть проводить духовную жизнь ради Царства Небесного, должен "утвердить лице свое", приготовить себя к этому путешествию, решиться на прохождение подвижнической жизни. Надо уготовиться и решиться, ибо путешествие это требует именно подвига, понуждения себя на совершение всех добродетелей, коими достигается Царство Небесное. Надо уготовиться и решиться, ибо самому совершению добродетелей противодействуют и противостоят различные скорби, соблазны, препятствия, исходящие, прежде всего, от людей, подушаемых врагом нашего спасения. Враг желает воспрепятствовать доброму намерению и внушает людям мира сего ненависть к рабам Божиим.

Как Христос на пути во Иерусалим не был принят жителями той страны, ибо "лице Его бе грядый во Иерусалим", то есть Он имел вид странника, путешествующего во Иерусалим, – так и всякого подвижника, раба Христова, не принимают люди мира сего, ибо он имеет вид человека, грядущего в горний Иерусалим. Они не понимают его христианского подвига, они чужды ему, – кажется он им неразумным, странным. И образ мысли, и чувства, и понятия, и желания, поведение и вся жизнь, даже наружный вид у человека, живущего для Бога не такой, как у человека, живущего жизнью мира сего. И потому мир, враждебный Христу, восстает против тех, которые стараются жить по-христиански. Мир гонит их, враждует против них, не принимает их в свою среду: "Не прияша Его, яко лице Его бе грядый во Иерусалим".

И далее в Евангелии говорится, что "никто же весть, кто есть Сын, токмо Отец: и кто есть Отец, токмо Сын, и емуже аще хочет Сын открыти" (Лк. 10, 22). Это значит: никто не может сам по себе познать Бога и Господа нашего Иисуса Христа, не может сам по себе иметь правильные понятия о вере в Бога, если не откроет ему этого Сам Бог. Никто сам по себе не может познавать волю Божию, путь

Господень, иметь правильные понятия о духовной жизни и христианской нравственности, если не научит этому Сам Господь. А научает Он того, кто искренно желает этого и просит об этом Господа, кто оказывается способным и достойным этого научения, кто хранит свою совесть, кто стремится к Свету, кто понуждает себя на всякое добро.

Поэтому, братья и сестры, надо нам как можно усерднее молиться Господу и просить Его, чтобы Он дал нам твердость в вере православной, познание духовной жизни, познание Его Святой воли, чтобы открыл Он нам, как должны мы соделывать свое спасение, совершать христианский подвиг, и, открыв, дал бы нам твердую, неуклонную решимость к прохождению сего подвига ради Царствия Небесного.

И вот я прошу вас всех усердно: давайте помолимся теперь, чтобы Господь помог нам идти путем Христовым, чтобы Он открыл нам, как нам соделывать свое спасение, как нам должно идти, чтобы достигнуть горнего Иерусалима. Аминь.

16 августа 1925 г. Оптиная пустынь.

VI

Поучение на память св. мученика Никона

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Хотел было я сказать вам в этот день слово на ныне прочтенное Евангельское зачало: "И вы же свидетельствуете яко искони со Мною есте" (Ин. 15, 27), но не успел: было уже поздно и скоро должна была начаться поздняя литургия. Но глубокий смысл этих Евангельских слов до сих пор занимает мой ум, и мысли приходят одна за другой.

Сейчас говорить пространно невозможно, кратко же скажу вам в назидание несколько слов. Сказано в Евангелии: "И вы же свидетельствуете, яко искони со Мною есте". Обратите внимание на эти слова и вникните в их смысл. Потому и свидетельствовали о Господе Иисусе св. апостолы, а за ним святые мученики, и вообще святые угодники Божии, что они, как говорит Сам Христос, искони, то есть всегда были с Господом. Всегда неразлучно пребывали с Ним, всегда хранили усердно Его святые заповеди, всегда памятовали о Нем.

Так и мы да будем иметь силу и мощь свидетельствовать о Христе. Да будем иметь и мы мужество, твердость и крепость исповедовать Его и исповедовать не только языком, но и самую жизнью своей. Да

будет дана и нам благодать благодушно переносить всякое злострадание, всякую тяготу и превратность жизни ради Господа нашего Иисуса Христа!

Так вот, старайтесь всегда быть исповедниками Христовыми, чтобы свидетельствовать о Нем также твердо, также необязненно, также чудесно, как свидетельствовали св. апостолы, св. мученики и все святые. Вот вам назидание: будьте всегда с Господом, имейте память Божию, бойтесь отгнать от себя помощь Божию какими-либо грехами или греховными помыслами, бойтесь оставаться без Господа.

Храни вас Господь. Аминь.

28 сентября 1925 г.

VII

Слово в праздник Тихвинской иконы Божией Матери (перед молебном)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Кто вчера внимательно слушал чтение канона и акафиста, тот мог заметить, как много там вложено прекрасных возвышенных чувств и мыслей, особенно в каноне. Прежде всего, церковный писатель, составитель этих церковных песнопений, молит Господа Бога, чтобы Он вразумил его и дал ему слово, как должно петь, как должно молиться.

"О, Троице Вседержительная, и Единице Трисолнечная! Душу мою и сердце и ум, молю, просветивши и благодатию освятивши, к Божественней Твоей любви" (глас 8, канон 1, песнь 1, тропарь 1), – ибо не можем мы молиться как следует и не знаем, как и о чем молиться. Может случиться, как сказал пророк в одном псалме: "И молитва его да будет в грех" (Пс. 108, 7). Следовательно, не всякая молитва святая бывает.

Когда же молитва бывает во грех? Тогда, когда предмет молитвы грешен, когда греховны чувства и желания, с которыми человек приступает к молитве. Сознвая свое недостойство, могущее отразиться в составляемых молитвах, писатель означенных песен церковных и просит Господа Бога, чтобы не возгнушался Господь Бог и Матерь Божия составляемыми и приносимыми молитвами и принял бы усердие наше, с которым приносится молитва.

"Слово Божие, Светодательное, и Премудрость Отчую плотию, Дево, рождающая, просвети глубокую тму моего неразумия, и слово, ми подаждь воспети Твоя чудеса" (глас 4, канон 2, песнь 1, тропарь 2).

"Устами смиренными принесох Ти препростое сие, Всепетая, пение: понеже груб есмь многогрешный, и недостойн по достоянию воспети Тя, но от усердия на Твоя щедроты надеяся, яко Спасителя всего мира родила еси: не возгнушайся, Царице, приими сие, и спаси мя" (песнь 9).

Но далее, как бы в дополнение сего, слышим: "Яко чистота, воздержание и молитвы сердечные угоднее Тебе паче хвалы единых точию уст (9-й икос акафиста).

Хорошо, если вы воздаете похвалы Божией Матери, но угоднее Богу совершение на деле самих добродетелей, а не только хвалы одних уст. Если вы говорите и молитесь о добродетелях, надо, чтобы слова молитвы переходили в дела, в самую жизнь. А то говорить ведь можно много, но без толку. Старец о. Амвросий однажды сказал одному человеку, просящему у него назидания: "Слов нужно немного, ибо Царство Божие не в слове, а в силе".

Иногда в одном слове душа исполняется самыми святыми чувствами, желаниями и намерениями. Поэтому просим мы, чтобы не слова одни только оставались у нас, а если мы поем и говорим о добродетелях, то должны и совершать эти добродетели, иначе слова будут не в назидание, а в отягощение слушающим и самим себе.

Ибо действительно, как может человек невоздержанный учить воздержанию? У него не может быть на это дерзновения. Или как чревоугодник может говорить о посте, не имея дерзновения на пост, – слово его будет пустое бессилие.

Так, вообще, и все мы, если желаем быть истинными христианами, должны быть ими не на языке только, а на деле, то есть по жизни своей. Тогда не будут соблазняться на нас другие люди, не будут хулить Христово учение и жизнь христиан за то, что житие наше плохое, недостойное имени христианского. А то и турки, магометане и всякие иноверцы, сектанты и просто люди неверующие, видя неподобное житие наше, говорят, что они-то лучше, нравственнее по жизни, нежели мы, люди, которые хвалятся, что они православные христиане, что они знают истинного Бога и Ему служат. Прискорбно слышать это, а слышать это приходится и приходилось мне даже неоднократно.

Поэтому, чтобы не хулилось имя Божие грехов ради наших, возревнуем о добродетелях на деле, а не на словах только, постараемся исправить жизнь нашу, принесем истинное покаяние.

Сейчас будем служить молебен, помолимся же Божией Матери, Царице Небесной, чтобы Она принесла Свою молитву ко Господу в заступление и защищение и вразумление наше, и будем всегда молиться Царице Небесной, как чадолюбивой Матери нашей, усыновившей нас. Она очень любит нас, как чад Православной Церкви, созданной Сыном Ее, Господом нашим Иисусом Христом. Она печется и молится о всяком христианине, чтобы нам не оказаться недостойными Ее милости и не отклонить от себя Ее помощи. Постараемся не делать ничего такого, что отгоняет от нас благодать Божию. Да поможет же нам в этом Сам Господь! Аминь.

26 июня 1926 г.

VIII

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

"Во псалтири десятиструннем пою Тебе" (Пс. 143, 9), – так сказано в псалме царя и пророка Давида. Что это значит? Всякое изречение Священного Писания имеет, кроме исторического смысла, другой, внутренний смысл. Так и эти слова, кроме исторического значения, имеют таинственный, духовный смысл.

Царь-пророк Давид воспевал свои псалмы, играя на псалтири. Это такой музыкальный инструмент, который имел десять струн. Вот это исторический смысл. Духовное же, таинственное значение сих слов таково: десятиструнная псалтирь – это человек с его пятью внешними телесными и пятью внутренними душевными чувствами. На них, как бы на десяти струнах, и должен человек петь Господу, то есть проводить жителство свое согласно с заповедями Божиими, чтобы все поведение, вся жизнь была как бы постоянным пением божественным. "Пою Богу моему дондеже есмь" (Пс. 103, 33).

Так и сказал старец Оптинский Лев, когда его спросили, что он делает, а он в то время принимал народ: "Пою Богу моему дондеже есмь". И он мог так сказать, ибо он мог действительно жить согласно святым заповедям Божиим, его жизнь была действительно истинное богоугодное пение, и это пение есть духовная жизнь.

Когда струны псалтири не настроены как должно, когда они звучат не в тон, несогласно, невозможно на ней играть, – нрав правильной песни не складывается. Так и у человека, когда его чувства не приведены в согласие и не имеют общего, согласного стремления к Богу, когда человек еще любит грех, или когда грех против воли человека насилует его, тогда не может он издать стройных звуков духовной жизни, не может всю жизнь, всем поведением, всеми чувствами своими воспеть песнь святую, песнь божественную. Нужно понудить себя, чтобы привести себя в порядок. Нужно

потрудиться в подвиге ради Господа, потерпеть всякую тяготу и неудобства в борьбе с собой, со своими страстями, ибо сказано: "Терпя потерпех Господа и внят ми, и услыша молитву мою. И возведе мя от рова страстей и от брения тины, и постави на камени нозе мои, и исправи стопы моя и вложи во уста моя песнь нову, пение Богу нашему" (Пс. 39, 2-3). Нужно терпеть и ждать милости Божией.

Когда учатся играть на скрипке, сначала у играющего получаются очень неприятные, неправильные, резкие звуки. Настолько они неприятны, что, кажется, убежал бы, куда глаза глядят от этих звуков. Но постепенно человек привыкает, научается играть, звуки получаются все правильнее и правильнее, и, наконец, польются нежные, прекрасные звуки чудной музыки. Одному это удастся скорее, другому длительнее. Иногда и при всем старании никак не наладится играющий, все получается не так, как ему хотелось бы. Нужно терпение.

Так и в духовной жизни: человек хочет одного, а сам делает совсем другое, не то, что хочет; ум его хочет одного, а чувства требуют другого. И видит человек и чувствует болезненно, что это все не то, понимает он, что нехорошо у него получается, не так, как надо, даже приходит в уныние, видя, что не преуспевает он в борьбе со страстями, что не налаживается его духовная жизнь. Но нет, не нужно унывать! Нужно терпеть, пусть до времени будет неправильно, пусть получается не то, что надо, не так, как хочешь – надо стараться, надо учиться, надо терпеть. Надо терпеливо понуждать себя на всякую добродетель ради Господа, трезвенно следить за всеми своими чувствами, мыслями, делами. Надо призывать на помощь Господа Бога. Надо прийти в смирение и осознать, что своими силами, без Божественной помощи человек ничего не успеет. И когда, наконец, уготовится сосуд души и тела человека, когда настроятся струны его псалтири во всяком смирении, терпении и благочестии, тогда придет время и раздастся чудное пение. И польются прекрасные, дивные звуки духовной жизни, и "узрят мнози и убоятся и уповают на Господа" (Пс. 39, 4), ибо от соединения с Господом и получается это пение неизреченное.

Стоит, например, рояль, готовый для игры. Струны в нем натянуты, он открыт, но молчит. Почему же он молчит? Потому, что нет игрока. Кто же этот игрок? Игрок сей – Дух Святой, как сказано: "Приидем к нему и обитель у него сотворим" (Ин. 14, 23). Придет Дух Святой и соединит рассеченные грехом чувства души и тела, и начнет тогда человек жить в Боге и для Бога.

Таинственный смысл этого псалма объяснил мне батюшка Варсонофий. Помню, мы с ним обедали, и после обеда батюшка подошел к рукомойнику, умыл усы, взял полотенце и, утирая усы, говорит мне: "Брат Николай, посмотри у Зигабена толкование на слова псалма: "Во псалтири десятиструннем пою Тебе"".

Я прочитал, там было написано, хотя кратко, историческое и таинственное толкование. Батюшка выслушал и сказал: "Это мне сейчас открылось". И подумалось мне тогда: "Вот человек! Вытирает усы после обеда, а ему тайны духовные открываются".

Такое озарение духовное бывает у духовно настроенных людей, которые всю жизнь свою "поют Богови", независимо ни от времени, ни от положения, совершенно неожиданно иногда и не на молитве, а вот как батюшка о. Варсонофий – обедал, и ему тайны открывались. Он, видимо, проразумевал глубокий таинственный смысл и молитв церковных, и Священного Писания: "Услышах Господи смотрение Твоего таинства, разумех дела Твоя и прославих Твое Божество" (Ирмос, гл. 8, песнь 4). Аминь.

Оптина пустынь.

IX

Во имя Отца, Сына и Святого Духа!

"Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое: воспою и пою во славе моей. Востани, слава моя, востани псалтирию и гусли: встану рано. Исповемся Тебе в людех, Господи, пою Тебе во языцех" (Пс. 107, 1-4).

Эти слова повторял неоднократно старец иеросхимонах Анатолий (Зерцалов), начальник Скита Оптиной пустыни перед своей кончиной в 1894 г. Сколько глубокого, таинственного смысла заключается в этих богодухновенных словах псалмопевца! Начнешь размышлять на эту тему, и размышлениям нет конца. Так необъятно глубоко то дивное содержание, которое заключается в словах псаломских.

Господь Бог, восхотев сотворить человека, чудно сотворил его, даровав ему неизреченную славу. Он сотворил его по образу Своему и подобию, отобразив на нем Свою Божественную славу. Он дивно устроил его, даровав ему красоту и изящество в строении самого тела, даровав душу бессмертную, одарив ее великими духовными дарованиями, снабдив и прекрасными способностями, поставил его владыкой, распорядителем всех видимых творений мира сего. Дарована человеку душа, душой своей бессмертной он возвышается над всеми видимыми творениями. Нет в видимой природе никого и ничего равного человеку!

Дарован человеку ум высокий, и умом своим человек возвышается над всю природою, она покорена под ноги ему. Например: избирает он различные орудия, машины, преодолевая ими силы и стихии природы. Не в состоянии человек голыми руками бороться с огнем –

делает машины и побеждает стихию огня. Не может ходить по водам, не имеет силы переплывать большое расстояние – устраивает лодки, корабли. Не может одолеть хищника – изобретает оружие и побеждает зверя, одолевает его. Разве это не величие, не слава человека? И это все еще относится лишь к обыкновенным, естественным способностям человека.

А если взглянем на святых, то увидим, какой дивной славы и власти они сподоблялись: побеждали природу нравственною силою, по благодати Божией, ходили по морю, яко по суку, были переносимы по воздуху божественною силою, им служили дикие звери, как кроткие агнцы, признавая в них своего владыку, молитвой своею они низводили дождь на землю и совершали другие дивные чудеса, перечислить кои невозможно.

В Священном Писании так описывается величие человека: "Умалил еси его малым чим от Ангел, славою и честию венчал еси его: и поставил еси его над делы руку Твою, вся покорил еси под нозе его" (Пс. 8, 6-7). Какого еще большего величия, большей славы можно желать и ожидать? О, воистину щедро излил Господь милость Свою на человека!

Казалось бы, что человек, имея такие дарования, оценит их и будет жить так, как внушает ему его достоинство человеческое, согласно с Божиим хотением и велением. Но, к великому прискорбию, что мы видим? Мы видим, что человек не уразумел, не оценил того, какой несказанной славы сподоблен от Творца и Бога своего, и, как сказано в псалме: "Человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным и уподобися им" (Пс. 48, 13), и за это праведным судом Божиим он лишился своей славы, "от славы своея изриновени Быша" (Пс. 48, 15).

Будучи в такой чести, такой славе, человек не уразумел своего достоинства, пал, сделался подобным скоту несмысленному. О, великое падение! В какую бездну и тьму низвергает человека грех! Истинно он уподобляется скотам, питает свою душу, свою бессмертную душу скотскою пищею, ту душу, на которой начертан образ Божий, ту душу, которой дана способность уподобляться Богу! Не говоря подробно о губительном действии страстей постыдных, блудных, так поразительно и безобразно уподобляющих человека скоту, обратим внимание на то, что решительно всякая страсть отнимает у человека образ человека, делая его подобным скоту и зверю. Посмотрите, что делает, например, злоба и гнев. Человек, объятый злобой, делается весь зверообразным, глаза мечут искры, искажается лицо, он, кажется, ближнего своего готов пожрать. И все вообще страсти и грехи: чревоугодие, неверие, сребролюбие и другие превращают человека в скота. Поистине нужно здесь вопить человеку: "О, где это скрылось от меня мое человеческое достоинство, моя честь, моя слава?!"

Но не восхотел Господь Бог Свое прекрасное творение – человека, оставить в падении. Он восхотел по Своему безмерному человеколюбию искупить человека от его падения, от греха. Он восхотел поднять его, вернуть ему его прежнюю славу, его прежнее достоинство. Непостижимо для нас, людей, совершает Господь искупление рода человеческого от грехопадения Адамова Своим вочеловечением, страданием, смертью, воскресением. И по безмерной любви и милости Своей дает падшему и воссозданному во Христе человеку не только его первое достоинство, но дарует ему способность к еще большему совершенствованию себя. В искуплении человеку дарована способность к бесконечному, беспредельному приближению к Богу, к вечному наслаждению в познании Бога. Он может делаться причастником Божеского естества (2 Пет. 1, 4). Эта мысль прекрасно выражена в стихире церковной на праздник Благовещения в словах: "Яко да возведет человека, яко Един силен в первое достояние с растворением". Итак, по искуплении человека Господь еще большею "славою и честью венчал его", например, в Таинствах Своей Церкви, особенно же в Таинстве Святой Евхаристии, к которой желают и Ангелы приинкнуть, ибо искупительная Жертва приносится только за человека, но не за Ангелов. В этом, можно сказать, Ангелы как бы даже завидуют людям, не имея возможности причащаться Святых Таин.

Но и после искупления человека Святейшею Кровию Христа Спасителя человек падал и падает в грех, роняя славу свою, топча ее и уподобляясь скоту несмысленному. Опять лежит человек пораженный во прах, в горестном бесчестии. И вот от лица такого человека, уронившего славу свою, забывшего свое человеческое достоинство, утратившего прежнее свое достояние, св. пророк восклицает: "Востани слава моя!" Вспомни, о человек, кем ты был и чем стал, вспомни славу свою, которою венчал тебя Господь, вспомни славу свою и оставь скотский образ жизни, вернись к прежнему своему достоинству. "Востани слава моя, востани псалтирю и гусли".

Псалтирью и гусли называются, по толкованию святых Отцов, наши душевные и телесные чувства и способности. "Востани псалтирю и гусли", то есть приготовься весь человек, со всеми своими силами – и душевными, и телесными – к пению божественному, к жизни о Господе. "Давно ты, псалтирь моя, – как бы так говорит Пророк, – заброшена; на тебе, может быть, лежит большой слой пыли, струны твои заржавели, вся ты расстроена, быть может, разбита, и, если ударить по струнам твоим, то не получится стройных звуков, издадут они, твои струны, дребезжащие, бесформенные и надрывающие душу звуки. О! Восстань, восстань, псалтирь моя! Нужно настроить струны твои, нужно привести в порядок весь инструмент, ибо, если хотя одна струна будет фальшивить, не получится стройных звуков, будет слышна неправильность и она будет портить весь строй, всю гармонию, – все

пение будет испорчено, хотя бы все остальные струны стройно звучали".

Нельзя работать Богу и маммоне (Мф. 6, 24), нельзя служить Богу и греху. Должен человек, по Евангелию, возлюбить Господа всей душою, всею крепостию (см. Мф. 22, 37), не отдавая греху ни одного чувства, ни одной способности своей душевной или телесной. Так и св. ап. Иаков говорит, что "если кто в одном согрешит, повинен есть против всего закона" (см. Иак. 2, 9-11). Итак, уготовься, восстань вся псалтирь и гусли. Исправься, настройся к должному пению, к должной игре.

Дошел человек до сознания необходимости восстания, уже готов бросить греховную жизнь, порвать всякое общение с грехом, обратиться всем существом своим к Богу. Видит это враг-диавол и шепчет человеку: "Куда? Зачем? Еще успеешь!" Шепчет, желая ослабить решимость человека. Но человек решительно отвергает внушения врага и, сам себя подбадривая, говорит: "Нечего медлить! Скорее! Восстану рано! Сейчас же, немедленно, без отлагательства восстану. Восстану и начну немедленно настраивать свою псалтирь и гусли к пению, то есть к житию богоугодному в исполнении всех заповедей Божиих, к житию, согласному с Законом Божиим".

И вот начинается жизнь иная, жизнь духовная в общении с Господом. Не без трудностей она! Встречают человека скорби и испытания, борьба с грехом. Томят по временам человека так называемые пристрастия, то есть осадки и последствия прежде принятого зла и греха в обновляющихся уме и чувстве человека. Но желание быть с Господом и в Нем Едином искать отрады покоя и вечного блаженства все преодолевает.

Трудится человек, находясь в подвиге таком, и проходят годы, даже десятки лет. Наконец, испытывая себя видит и чувствует человек, что умерло в нем всякое желание сладостей мира сего тленного, что омертвело сердце его для наслаждения тленною красотой, что, как единая и истинная красота нетленная, как единая цель всех стремлений и желаний его стоит пред ним Христос. Видит состояние своего сердца человек. И вопиет: "Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое". Ныне, когда оно готово, "воспою в славе моей". Восстала моя прежняя слава, уготовилось сердце, сделалось способным к пению божественному. "Ныне воспою и пою", то есть не перестану петь, воссылать славу Богу. В жизни по Богу, в молитве Иисусовой положу всю цель моего жития. Доселе я стонал под бременем страстей и нападений вражиих, не мог я воспевать радостных песней. Я приносил Богу умиленную, покаянную молитву, ибо видел и постоянно имел перед глазами моими плен греховный, мою поверженную долу славу. Но ныне, когда восстала слава моя, воспою и пою в славе моей. "Ныне исповемся Тебе в людях, Господи, воспою Тебе во языцех". Буду говорить о делах Господних, явленных на мне пред всеми людьми, не убоюсь, не

устыжусь проводить жизнь, требуемую от меня Законом Божиим, во всяком народе, во всяком месте.

"Воспою и пою во славе моей". Эти слова суть уже, так сказать, восторг святой души. Старец о. Анатолий мог так восклицать, нам до этого далеко. Нам более приличен плач о нашем падении, но все-таки должны и мы всемерно стремиться поднять нашу упавшую славу, а для того должны, прежде всего, начать очищать себя от грехов. Весь первоначальный наш подвиг должен быть обращен на борьбу с грехом, на очищение сердца от страстей, в покаянии и смирении, и Господь, видя смирение и труд наш, оставит грехи наши (Пс. 24. 8), очистит сердце, и восстанет тогда слава наша в пении песни божественной.

Да сподобит же нас сего Господь по милости Своей. Аминь.

Оптина пустынь.

Х

Слово в Неделю о Закхее

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

В нынешнем Евангелии (Лк. 19, 1-10), как вы слышали, читалось про Закхея-мытаря, как Господь Иисус Христос посетил его и как это посещение изменило, исправило его жизнь.

Мытарями назывались люди, которые собирали подати. Часто допускали они злоупотребления при сборе податей, обижали людей, брали с них лишнее, и потому были у всех в презрении, как грешники. Таков был и Закхей.

Но Господь не возгнушался его грехами, не возгнушался им самим. Он обещает посетить его, прийти к нему домой. Радостью исполнилось сердце Закхея, принял он Господа в дому своем, и это посещение произвело на него такое впечатление, что весь он изменился. Он в сердце своем сделался иным, не таким, каким был, и обещал Господу исправление жизни. "Господи, – говорит он, – я возвращу не только все чужое, мне не принадлежащее, взятое по неправде, но и из собственного моего имени буду раздавать милостыню" (ср. Лк. 19, 8). Вот такая перемена произошла в Закхее.

Почему это так? Почему этот человек, который обижал людей, вдруг сделался милостивым и щедрым, вдруг весь изменился? Потому, возлюбленные братья и сестры, что возненавидел свой грех. Увидел у себя Христа – Чистого, Святого, Безгрешного. И в сравнении с Ним увидел свою греховность, свою нечистоту, свое нравственное

падение. Увидел он это, и в сердце его зажглась искра нелицемерного желания исправиться. На это я обращаю особенное ваше внимание.

К нам, духовникам, приходят больные душою люди. Приходят вроде бы каяться в своих грехах, но потом выясняется, что искренней решимости расстаться с каким-либо любимым своим грехом у них нет. Это нежелание оставить грех, эта тайная любовь ко греху и делает то, что не получается у человека искреннего покаяния и потому не получается и исцеления души. Каким человек был до исповеди, таким продолжает оставаться и после нее. Но так быть не должно! Надобно, подобно Закхею, искренно возненавидеть свой грех, пожелать всей душою своей исправиться и возлюбить Закон Божий.

Внимательно читая или слушая священные псалмы и вникая в смысл чудных слов псаломских, много назидания можем мы получить. Между прочим, в одном псалме читаем такие слова: "Законы Бога его в сердце его и не запнутся стопы его" (Пс. 36, 31). Глубокий смысл и прекрасное назидание заключаются в этих словах. Когда человек, так сказать, положит Закон Божий, святые заповеди Божии в сердце своем, когда полюбит их, тогда он возненавидит грех, будет удерживать себя от всякого греха и возгорится желанием жизни о Господе. При всяком деле, при всяком занятии, даже самом обыкновенном, житейском, будет такой человек проверять свои поступки, свои намерения Законом Божиим. Закон Божий постоянно должен быть начертан в уме и сердце человека: все несогласное с Законом этим следует немедленно отвергать, согласное – принимать.

Вот встречается на жизненном пути человека или в мыслях его и желаниях какой-либо грех, какое-либо злое дело. Если в сердце его на первом месте Закон Божий, то совесть сразу говорит: "Этого дела сделать мне не позволяет мой Господь, как попусти себе я это, как дозволю, когда это противно Его святым заповедям?" И не совершает человек греха. И если так везде и всегда противится он всякому греху, то не запинаятся стопы его, не спотыкается он с правильной дороги, не блуждает по распутьям греховной жизни. "Законы Бога его в сердце его и не запнутся стопы его".

Но враг рода человеческого не дремлет, ему хочется запутать человека, сбить его с дороги. Он борет человека всевозможными способами и средствами, возбуждает мысленную брань, то есть борьбу с грехом в мыслях с целью ввергнуть в грех делом. Тяжелая это борьба! Доводит она иногда человека до уныния и расслабления, даже до согласия на грех. И вот, хотя даже не осуществленное согласие на грех уже погрешительно пред Богом и в этом нужно каяться, но если все же удержался человек, не впал в грех самим делом, то, значит, не запнулись стопы его, не споткнулся он. Но стоит лишь человеку выпустить веления Закона Божия из памяти и из чувства сердца своего, как грех прельщает его и он падает,

запинаются стопы его, он сбивается с дороги, греша уже не мысленно только, но и делом.

Поэтому и нужно нам, возлюбленные братья и сестры, всегда иметь Закон Божий в сердце нашем. Тогда в мысленной нашей борьбе с грехом мы все более и более будем ненавидеть грех и любить добродетель. Постепенно любовь к Богу и добродетели, при искреннем покаянии во грехах, будет возрастать, сердце все более и более будет стремиться к Богу, духовная красота Закона Божия более и более будет пленять наши души. И наконец, может прийти человек в то чудное и вожденное состояние, находясь в коем, сможет он восклицать так, как восклицал Апостол: "Кто нас разлучит от любви Божией?" (а любовь к Богу, прежде всего выражается соблюдением заповедей Божиих). "Ни скорбь, ни гонение, ни теснота, ни высота, ни глубина, ни что иное!" (ср. Рим. 8, 35-38), – как читалось в нынешнем апостольском чтении. Вот к чему в конце концов приводит истинное покаяние!

Поэтому я усердно прошу вас всех, братья и сестры, постараться возненавидеть свои грехи, приносить в них искреннее покаяние, возжелать искренно исправиться, как сего возжелал Закхей, только тогда покаяние наше будет иметь благие плоды. Любовь к Богу и Закону Его святому утвердится в сердцах наших, и мы будем идти верным путем ко спасению душ наших. Аминь.

Оптина пустынь

XI

Слово во вторую Неделю по Пятидесятнице

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Вы слышали ныне в Евангельском чтении (Мк. 4, 18-29), как Господь призвал Своих учеников и как они послушно Ему повиновались, как послушно последовали за Ним. Он только сказал им: "Следуйте за Мной", и они, как сказано, "восстав, иде". И это потому, что душа каждого из них была уже, так сказать, приуготовлена к зову Божию.

Подобно тому, как древле Господь призывал Своих учеников, так и ныне не перестает звать Он к Себе каждого из нас. Но души наши весьма ожесточились, прилепились к земле, и мы не слышим гласа Господня, остаемся и пребываем в нераскаянном своем состоянии. Умилительно послушание св. апостолов и огорчительно ожесточение и неверие современных людей!

Прошу вас, братья и сестры, внимайте гласу Божию, непрестанно зовущему вас. Недостатка в зове Божиим не было и нет. Посмотрите:

храмы Божии открыты, богослужения совершаются, разве это не зов Божий? Вы слышите благовест, призывающий в храм Божий на молитву, разве это не зов Божий? В храме мы слышим проповедь, слово Божие, разве это не зов Божий? Мы слышим о древних и современных чудесах, о различных явлениях милости и славы Божией, и это не зов ли Божий?

Да если мы беспристрастно присмотримся каждый к своей собственной жизни и вникнем в нее, то увидим, что и нас неоднократно и различными путями звал и зовет к Себе Господь. Даже если нас постигают скорби и искушения, то и они являются для нас зовом Божиим, ибо они отвлекают нас от греха и от земной привязанности, напоминают о небе.

После всего этого мы не имеем извинения и прощения, если остаемся глухими к такому постоянно слышимому Божию зову. Еще древле Пророк, провидя бедственное наше время, взывал: "Не ожесточите сердца ваших" (Пс. 94, 8), – не уподобляйтесь древним евреям, которые в пустыне, "подобно аспиду глухому, затыкали уши свои" (Пс. 57, 5), чтобы не слышать гласа Божия. Примем слова эти в сердце свое и постараемся исправиться!

А для того, чтобы сердце наше было готово и способно к принятию зова Божия, необходимо его очистить от всякого зла, чтобы не было в нем никакой злобы, никакого пристрастия к чему-либо, тем более к греховному. Когда в сердце есть пристрастие к какому-либо скверному, греховному делу, к какому-либо мирскому делу или вообще к чему-либо земному, то это является стеной, которая отделяет нас от Бога, не позволяет нам следовать за Христом, быть Его учениками, ибо сказано, что, если кто не отречется от всего имени своего и не возненавидит святою ненавистью все, что может отвлекать от Бога пристрастием к себе, не может быть учеником Христа (ср. Лк. 14, 26-33). Разрушается же эта стена истинным покаянием, исправлением жизни, отвержением всего греховного. Тогда человек свободно может следовать за Христом, как верный Его ученик.

Потому прошу я вас всех, возлюбленные братья и сестры, приносить Богу покаяние, искренне просить Его о помощи в исправлении жизни нашей. Будем мы сейчас молиться, как всегда, Божией Матери пред иконой Ее "Нечаянная Радость", и вот, если кого из вас коснется зов Божий, если услышит человек этот зов и обратится на путь истины и добродетели, то поистине это будет нечаянная, неожиданная, святая радость. Помолимся, чтобы Царица Небесная помогла нам исправиться, очистить сердце свое и услышать зов Божий, зовущий нас в Царство Небесное, где нет ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная, блаженная. Аминь.

Оптина пустынь

XII

Наставление о терпении скорбей (из письма к некоему лицу)

Это было уже давно. Не помню по какой причине, покойный ныне о. протоиерей попросил меня однажды Великим постом отслужить за него позднюю литургию в соборе. Я с радостью согласился. Была 5-я Неделя Великого поста.

В свое время я начал служение литургии и спокойно служил. Настало время чтения Св. Евангелия. Вручив Св. Евангелие для чтения иеродиакону, я по обыкновению стоял у горнего места за престолом, приготовился внимать божественным глаголам живота вечного. И вот диакон зачитал: "Се восходим во Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет архиереям и книжникам, и осудят Его на смерть, и предадут Его язычникам, и поругаются Ему, и узвят Его, и оплюют Его, и убьют Его, и в третий день воскреснет" (ср. Мк. 10, 33-35).

Грешное сердце мое затрепетало во мне. Мне живо вспомнилось то, что было много лет назад. Мне вспомнился скит наш тихий, духовно воспитавший нас. Мне вспомнился почивший наш старец о. Варсонофий, дорогой старец, отец и наставник, окрылявший нас, старавшийся посеять в сердца наши благие семена духовной жизни и монашества, вникавший в смысл Священного Писания и понимавший его духовное, таинственное значение. Мне вспомнилось, как однажды, в 5-ю Неделю Великого поста, после литургии, придя в свою келию, он спросил меня, обратил ли я внимание на то, какое читалось за литургией Евангелие, и указывая на слова: "Се восходим во Иерусалим и предан будет Сын Человеческий..., и поругаются Ему, и узвят Его, и убьют Его, и оплюют Его", – сказал:

– Вот степени восхождения в горний Иерусалим, их надо пройти. На какой степени находимся мы?

Не помню точно, что было сказано еще, и, вообще, касалось ли сказанное духовного значения и смысла сих слов Евангельских, но помнится, как будто этим вопросом окончилась беседа. Таинственно, задумчиво был задан этот вопрос. Внимая словам старца, слагая их в сердце своем, я молчал.

И вот, не помню теперь, через сколько дней, а может быть и часов, настоятель объявил старцу о переводе его из скита в Московскую епархию.

Великую скорбь причинило это старцу. Ведь скорбью надо считать не то, что по внешности переживает человек, а то, насколько попускается ему Богом быть удрученным от этого переживания, причиняющего ему и сердцу его скорбь и страдания. Старец воистину тогда страдал. Делясь со мной скорбью своею, он однажды сказал мне, что от великой внутренней борьбы и скорби он боится, как бы не сойти с ума.

И ему и нам было вполне понятно, что такое распоряжение высшего начальства было для старца наказанием, что оно устроено его недоброжелателями, что тут навет, клевета, человекоугодие, ложь и многое другое, о чем кратко невозможно написать. Действительно, поругались над старцем, уязвили его, и оплевали его (нелепые клеветы и сплетни около его имени, обвиняли его даже в ереси хлыстовства), и убили его, ибо от всех скорбей и переживаний в последние дни пребывания в скиту и на месте нового служения подорвалось его здоровье старческое и без того уже слабое, и он ровно через год скончался. Назначенное ему служение при выполнении всех связанных с ним обязанностей и при переживании всего, что причиняли ему условия и обстоятельства жизни на новом месте, было для него крестом и крестом тяжелым.

Веруя, что крест посылается лишь Богом, старец все терпел, пребывая на кресте, предавшись воле Божией, и не прибегал к человеческим средствам. И пройдены были им степени восхождения во Иерусалим.

Все это мгновенно вспомнилось мне, наполнило мой ум и сердце чувствами и мыслями. До того времени я никогда не говорил слов и поучений в церкви (приходилось лишь читать по книге), но тут появилось желание поделиться с другими, сказать к народу слово. Воистину "от избытка сердца глаголют уста" (Мф. 12, 34). Одна мысль настойчиво требовала произнести слово, другая внушала опасение за мое внешнее благополучие. И первая мысль превозмогла. Но, не желая первого моего слова в храме сказать без благословения, я решил за неимением налицо никого иного в алтаре предложить это служившему со мною иеродиакону на рассуждение и благословение. Ответ его был утвердительным, и я после литургии вышел и сказал мое первое слово. Я умолчал о старце и всех воспоминаниях моих, и стал изъяснять смысл прочитанного Евангелия, смысл этих святых слов, которые наполняли мою душу. Не могу изложить всего, что было сказано мною, ибо не помню, но что наполняло мою душу, то и поныне живет в ней. Милостью Божией, из многого напишу немного в назидание и тебе, и самому себе.

Иерусалим в духовном смысле означает Царствие Небесное. Восхождение в него есть жизнь земная каждого верующего человека, содействующего свое спасение. Умилительно это изложено в стихире Великого Страстного Понедельника: "Грядый Господь к вольной

страсти, Апостолом глаголаша на пути, се восходим во Иерусалим и предается Сын Человеческий, якоже есть писано о Нем. Приидите убо и мы очищенными смыслом шествуем Ему и сраспнемся, и умертвимся Его ради житейским сластем, да оживем с Ним и услышим вопиюща Его: не ктому в земный Иерусалим за еже страдати, но восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему, и Богу вашему и совознесшему вас в горный Иерусалим, в Царствие Небесное".

Спасаящемуся о Господе необходимо преодолеть все степени восхождения в горный Иерусалим. На жизненном пути неизбежно встречаются его скорби и искушения, – к ним нужно быть готовыми. Наша немощь человеческая не хочет их, часто забывает о неизбежности их и желает лишь земного счастья. Обратите внимание, что даже св. апостолы до получения даров Духа Святого и дара разуметь Писания не были чужды желаний временной славы и счастья, как, например, и повествуется в Евангелии: после слов Христа о грядущих скорбях и смерти сына воя Заведеевы просят у Христа почестей временного Царства Его, которого они тогда ожидали, но вместо той почести чашу смерти обещал Христос друзьям Своим (см. Мк. 10, 35-40). Посему, если видим жизнь нашу исполненную скорбей и несбывшихся надежд и желаний, да не унываем. Так и должно быть. Жизнь христианина должна быть подобна жизни Христа. Возвещает нам св. ап. Петр: "Христос пострадал за нас, оставив нам образ, пример, дабы мы шли по следам Его" (ср. 1 Петр. 2).

Для сего Христос и святые заповеди дал, дабы мы в них пребывали и через то были действительно Христовыми учениками по самой жизни своей, а не потому только, что называемся христианами. "Потому узнают, что вы Мои ученики, если Мои заповеди соблюдаете" (ср. Ин. 13, 35), – говорит Господь друзьям Своим, идя на страдания.

Чтобы исполнять заповеди Христовы, надо знать их. Они изложены в Евангелии. Читайте Св. Евангелие, проникнитесь духом его, сделайте его правилом жизни своей, настольной книгой. Во всяком поступке и жизненном вопросе поступайте согласно с учением Евангелия. Это единственный свет жизни нашей.

Между другими учениями и заповедями встречаем в Св. Евангелии учение о необходимости смирения, которое Христос подтвердил ученикам Своим пред самыми крестными страданиями, как о том повествуется в нынешнем Евангелии, а также и в других местах (см. Ин. 13, 13-15). Без смирения сердце человека не примет, не усвоит себе Христова учения. Смирение сердца внушает человеку быть покорным воле Божией. Без смирения нельзя быть учеником Христовым, нельзя принять покорно все, что Господу угодно будет послать человеку на жизненном пути его, нельзя покорить свой ум, свое рассуждение, свои хотения в послушание Христово.

Опыт показывает, какие горькие плоды пожинают те, которые все делают по своему измышлению. Какое мучительство причиняет человеку разум самообразный! В какую бездну падения и гибели ввергает человека оставление учения и пути Христова! Тесным и прискорбным кажется путь Христов, но он дает человеку, идущему по нему, то, что он не променяет ни на какие суетные, временные сокровища и утехи мира сего. Так дорого то, что дает Христос Господь верующим!

Предадим же себя всецело воле Божией, чистосердечную молитвою умолим Христа, дабы быть с Ним, на Его пути и по этому пути войти в горний Иерусалим. Аминь.

Оптина пустынь

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЖИЗНИ

I

Из письма некоего лица

Недавно получил я известие о смерти Оптинского духовника иеромонаха Никона. Я с ним познакомился по пути в Соловки. В Бутырской тюрьме соединили нас в одну партию. Он был летами, пожалуй, моложе меня и на вид сохранившимся человеком. С ним тогда был другой монах также Оптиной пустыни, как я потом узнал, некто Михаил Таубе, сравнительно молодой человек, интеллигент, с высшим светским образованием. Они оба были очень хорошего монашеского настроения. Это были люди, так сказать, Оптинской духовной культуры, и я был очень рад такой встрече на том тяжелом пути. Они, эти два инока православных, были первые духовные лица, которых я увидел в своей партии арестантов, направляемых в Соловки. С Бутырской тюрьмы мы были вместе всю дорогу до Кеми и в Кемпункте я был, пожалуй, месяца два вместе с ними, даже в одном бараке. И вот теперь, когда дошла до меня весть о кончине о. Никона, живо вспомнилось мне все: и жизнь наша тогдашняя, и светлая личность почившего... И теперь мне хочется поделиться с Вами как своими воспоминаниями, так и теми сведениями, которые я получил о последних днях жизни почившего о. Никона.

О. Никон... Михаил... – как сейчас их вижу. Михаил был на вид высокий худой молодой интеллигентный человек, брюнет, в монашеском одеянии. А о. Никон немного постарше, на вид здоровый человек, не худощавый, волосы, борода русые, роста среднего, лицо открытое приятное, он тоже был в монашеском одеянии. Всегда разумные, выдержанные, всегда светлые духом, они были истинные иноки православные, и мне так отрадно было их видеть, слышать.

Мы вместе были, как я уже упоминал, начиная с Бутырок и дальше. Арестантские вагоны-клетки, Ленинградская тюрьма, опять на сотни верст пути вагон-клетка и, наконец, Кемьперпункт. Бараки, теснота, клопы, ругательства, работы и все, все, что вместилось в нашу жизнь тех дней, все мы пережили вместе, пока не расстались.

А расстались так: однажды вызвали сначала Михаила и направили с собранной партией в одну из командировок, куда-то в лес, на побережье Белого моря. Потом через месяц или два вызвали меня к отправке на Соловецкий остров. Когда я уходил с своей партией арестантов на пароход, о. Никон оставался в Кемьперпункте, по-прежнему сторожем около каких-то сараев и каких-то бочек. Всегда с книжкой в руках, всегда спокойный и тихий, молчаливый, уравновешенный. Оттуда, где он дежурил, видно было море.

Это море мне хорошо запомнилось. Особенно любил я его в безлунные белые ночи, когда только гаги кричали вдали на море, уже почти свободном ото льда, да нежный свет белых ночей что-то говорил душе... Вероятно, и о. Никон все это видел, переживал и заметил, и унес потом в своей светлой душе...

Мне так и не пришлось с ним поговорить так, как того хотела душа моя, и только отчасти мы обменивались своими мыслями по тому или иному вопросу. И его рассудительность, уравновешенность и какая-то особая духовная культура, Оптинская, вероятно, сказывались и в жизни его, и в поведении его, в словах и в самом молчании. Я его ценил, как и его друга Михаила, рад был, что увидел их. И теперь благодарю Бога за эту жизненную встречу.

Недавно получил письмо с описанием о кончине земной жизни о. Никона. Вот это письмо полностью в копии:

“Достоуважаемый Ив. Як.

Я не знаком с Вами лично и пишу Вам по поручению о. Н. В письме к нему Вы выразили желание знать о последних днях жизни, смерти и погребении Оптиной пустыни иеромонаха о. Никона. С любовью иду навстречу вашему желанию и сообщаю о почившем о. Никоне то, что знаю.

О. Никон и Мих. Мих. Таубе (в монашестве о. Агапит) в конце концов опять сошлись и были вместе направлены из Коми в Архангельск. Перед отправлением были подвергнуты медицинскому осмотру, и доктор нашел здоровье о. Никона пошатнувшимся. Он советовал ему серьезно заняться собою и по прибытии в Архангельск просить о назначении на медицинскую комиссию. "Вас, – говорит доктор о. Никону, – по состоянию Вашего здоровья могут послать не на север, а в другое место, более подходящее в климатическом отношении". О. Никон, привыкший отсекаать свою волю "от дней юности" (Пс. 87, 16), спросил совета на этот счет у о. Агапита,

который не посоветовал ему предпринять что-либо в этом направлении. И о. Никон послушался этого совета, сказав: "Воля Божия да совершится".

По прибытии в июне-июле 1931 г. в Архангельск о. Никон и о. Агапит некоторое время жили вместе, и о. Агапит утешался сим. Но недолго им пришлось жить вместе. Вскоре о. Никона отправили в Пинегу и о. Агапит остался один вблизи Архангельска. По прибытии в Пинегу о. Никон был определен для пребывания в деревню, недалеко от города, а затем вскоре был переведен в деревню Воспола, где имел пребывание в доме старой женщины, которая издевалась над ним, как жестокий господин над своим невольником.

25 декабря 1931 года он ходил в городскую церковь (холодную) и там простудился. К тому же у него были больные ноги (расширение вен). Ему нужен был отдых и покой, но жестокая хозяйка не давала ему этого и не хотела верить, что её высокий квартирант болен.

О. Никон работал до изнеможения: возил воду, пилил, колот и носил дрова, ставил самовар, и все это при болезни ног и при всегда повышенной температуре. Наконец, хозяйка изволила убедиться, что о. Никон действительно болен и к труду неспособен, и, вместо того, чтобы оказать ему человеколюбие, начала выгонять из дома, говоря: "Иди куда хочешь, ты мне не нужен. Ко мне на квартиру просят здоровые люди, которые будут мне работать, а ты болен, еще помрешь, что я тогда буду с тобой делать?" Положение было безвыходное, и о. Никон по совету Оптинского монаха, живущего в тех краях, переехал, уже совершенно больной, в другую деревню, в шести верстах от Пенегги, и поместился в квартире иеродиакона Оптинского Скита о. Петра. Это было в Вербную субботу, 22 марта сего года.

Еще в деревне Воспола, кажется, врач осматривал больного и нашел у него туберкулез легких, далеко зашедший, о чем и сказал больному. Время шло, лекарств и медицинского надзора не было, аппетит отсутствовал, болящий только по замечаемой слабости и по повышенной температуре судил, что болезнь прогрессирует.

3 июня ст./ст. к о. Никону приехала одна из духовных дочерей и застала его уже лежащим в постели. В среду, 11 июня, днем, ему было так плохо, что думали, не доживет до утра, посему поспешили причастить, после чего ему стало лучше. Болящего очень беспокоил пролежень, и еще он страдал от того, что легкие сократились и ему нечем было дышать. В трудную минуту он метался, не находя себе места, то ляжет, то встанет. "Нечем, – говорит, – дышать, дайте воздуху, дайте хоть чуточку". Когда становилось легче, он тихо молился: "Господи, помоги! Господи, помилуй!" При повышенной температуре иногда бредил, причем часто вспоминал Оптинского старца о. Макария: "Смотрите, – говорил, – вот пришел ко мне старец о. Макарий и сел, а Вы не видите".

В субботу, 14 июня, был приглашен доктор, который, выслушав внимательно болящего, во утешение его сказал:

– Никакой скоротечной чахотки нет, слабость – явление временное, все пройдет.

А окружающим прямо сказал:

– У батюшки цветущий туберкулез (то есть в полном расцвете, в полном разгаре), и все уже кончено. Живет он только потому, что у него сердце здоровое.

Слова доктора, сказанные о. Никону, по-видимому, успокоили и утешили его, так как он после этого начал даже думать и просить о подаче заявления о переводе его в место, более благоприятное в климатическом отношении. Несмотря на слабость, о. Никон, когда чувствовал себя несколько лучше, собственноручно писал краткие записки духовным детям: некоторым писал в несколько слов на их письма, некоторым диктовал записки и собственноручно подписывал их.

20 или 21 июня у батюшки прошла кровь через желудок. После он совершенно ослабел, но 21 июня еще продиктовал несколько записок и ослабевшей рукой подписал. 25 июня в двенадцать часов дня о. Никона причастил некий архимандрит, родной брат одной из духовных дочерей его, и сейчас же прочел отходную. В два часа дня о. Никон пил чай и в семь часов вечера тоже немного выпил. В девять часов вечера вышеупомянутая духовная дочь о. Никона, приехавшая навестить его, спросила:

– Не желаете ли, батюшка, выпить чаю?

В ответ на это он отрицательно покачал головой и как бы стал засыпать. Глаза были закрытые, дыхание было тяжелое, слышен был тихий стон. После девяти часов вечера названная духовная дочь прилегла отдохнуть, а о. Петр сидел за столом и писал. Когда она встала, о. Никон лежал на левом боку, редко дышал и тихо-тихо стонал, голова была наклонена несколько к плечу.

Подошли к умирающему. Он по-прежнему редко дышал, затем несколько раз тихо дыхнул, и душа разлучилась с телом. Конвульсий никаких не было, как лежал на левом боку с наклоненной к плечу головой, так и остался. Глаза были закрыты, рот несколько приоткрыт, лицо белое, приятное, улыбающееся. Было 10 часов 40 минут вечера.

Одели длинную рубашку, новый подрясник, полумантию, эпитрахиль, поручи, скуфью вместо камилавки, ибо посылка с клобуком и длинной мантией ко времени не пришла. На второй день, 26 июня, положили новопреставленного в гроб, отслужили панихиду

и отпели на дому по чину монашескому. Отпевали архимандрит, протоиерей, игумен и четыре иеромонаха. Похоронили в пятницу, 27 июня, в два часа дня. Гроб по деревне провезли на санях по глубокому песку, за деревней опять несли лугом до кладбища, на могиле поставили большой дубовый крест. После похорон была устроена поминальная трапеза, одних священнослужащих сидело за столом двенадцать человек. Достоин примечания то, что лица, отпевавшие о. Никона, находились на работе в шестидесяти верстах от своих жилищ и вдруг за неделю до смерти о. Никона были отпущены. Точно батюшка ждал их и не умирал!

О. Никон писал мне и другим незадолго перед смертью, что он уже не жилец и не надеется на свидание в этой жизни. Между тем, как говорит присутствовавшая при смерти о. Никона его духовная дочь, незаметно было, чтобы он выражал страх смертный, часто говорил, что не чувствует приближения смерти, и все надеялся на выздоровление. Ему, по-видимому, не хотелось умирать, ему хотелось повидаться со своими близкими по духу.

Он сохранил присущую ему веселость до самой смерти. Когда чувствовал себя сравнительно хорошо, улыбался и с любовью расспрашивал о своих духовных детях и знакомых, рассказывал о своих страданиях и переживаниях за последние четыре года жизни. Страдания его были велики, но и терпение при них было явлено такое же. Его добродетельное терпение вызывает глубокое уважение. Достоин подражания то, что почивший во всех скорбных обстоятельствах все терпел в молчании, никому ни на что не жаловался, за все благодарил Бога, предавая себя в волю Божию, и в этом находил успокоение и отраду для души.

Живущие в тех местах иноки и инокини очень жалеют о смерти о. Никона и отзываются о нем, как о пастыре достойнейшем, располагавшим к себе.

Но пора мне и закончить свои сообщения о близком моему сердцу о. Никоне. Заканчиваю их словами моего духовного отца, Оптинского старца:

– Итак, волею Божией не стало человека еще молодого, примерного, религиозного, и отсюда с нравственным взглядом, достаточно даровитого, чтобы добре влиять на других и быть полезным делателем на ниве Христовой. Господь все устрояет на пользу людей для вечного блага. Так и о. Никону были попущены немалые испытания, чтобы в молодых годах земной жизни он созрел для доброй вечности. "Блажен путь, воньже идиши днесь душе, яко уготовася тебе место упокоения". Сии слова так приложимы к покойному! Он потрудился для чад своих, а теперь отдыхает от трудов своих, покрываем милосердием Отца Небесного, неизреченная благодать Которого и нас да не минует!..

С о. Агапитом не переписываюсь и почти ничего о нем не знаю. По его просьбе через других писал ему подробно о смерти о. Никона, – не знаю, дошло ли до него письмо из архангельских пределов. В начале текущего года он переехал на жительство куда-то на север на определенный срок и работает в лагере при больнице в качестве помощника фельдшера. В числе братии Оптиной пустыни он не числился, но жил в ограде монастыря после 1920 г., кажется, занимал в музее должность библиотекаря, хорошо не знаю, знаю только, что служил в музее. Затем был сокращен и жил на квартире в монастыре до июня 1927 г., оттуда уехал с нами.

О. Агапита я лично очень уважаю, он хорошего иноческого устройства, желает жить под руководством старца, но пока живет без него, обучаясь смирению и терпению в иной школе. Ваш отзыв о почившем о. Никоне я прочел с удовольствием. В отзыве выражена истина!

Не думал я, что не увижу уже о. Никона. Последний раз мы с ним виделись 30-31 декабря 1927 г. в Калужской тюрьме. С января я вышел из тюремной больницы и уехал на свой счет в Туркестан, а о. Никона 27 января 1928 года отправили с этапом в известное Вам место. Я болею туберкулезом легких лет десять и думал, что умру прежде о. Никона, но Господь судил иначе. О. Никон ушел в вечность, а я еще дышу и двигаюсь, хотя и с трудом, слабость и одышка ужасная. Об о. Никоне я особенно жалею! Мне хотелось его видеть и о многом поговорить, но теперь все кончено. Сошлись мы с ним в 1907 г. в скиту Оптиной пустыни, где мы жили в числе братии, оба учились иноческой жизни у старца Божия о. Варсонофия, оба помогали старцу в его обширной переписке с духовными детьми, а затем, когда о. Никон был назначен монастырским письмоводителем, я вместе с другими сотрудниками ему помогал. После ликвидации монастыря жили в городе на одной квартире и в конце концов вместе были взяты весной 1927 г. и отвезены туда, "куда не хотели". Искренно уважал я о. Никона за его простоту и любовь к иноческой внутренней жизни, за его любовь к ближним. Хорошо было с ним, и всегда можно было отдохнуть и согреться около него душой. Вечная ему память!..

За сим простите и покройте любовью недостатки письма и помарки. Пересылка задержит письмо, мне хочется поскорее послать его Вам. О получении письма благоволите сообщить мне открыткой. Еще прошу прощения за помарки. Целый день писал, голова устала и ничего не соображает. Желаю Вам всяких милостей Божиих. С уважением к Вам остаюсь ...”

II

Воспоминания духовной дочери

Получила я письмо от батюшки, писанное им в марте сего года, в котором он между прочим сообщает, что заболел и доктор нашел туберкулез далеко зашедший. Когда я прочла эти строки, мне пришла мысль, что батюшка уже не поправится, и в это же время начала думать о поездке к болящему, о чем и написала ему, прося сообщить о состоянии здоровья. Получив по телеграфу ответ, что здоровье его в прежнем состоянии, я решила немедленно ехать к батюшке, чтобы застать его в живых. 2 июня ст./ст. выехала и после нелегкого путешествия прибыла к батюшке в понедельник вечером 9 июня.

Батюшку я застала уже лежавшим на жесткой постели. Он встретил меня с отеческой любовью и благодарил, что приехала. Грустно было видеть невнимание к батюшке служивших ему в болезни и не позаботившихся об улучшении его болезненного одра. Кровать заменяли доски, соломенный матрац был скомкан, вместо подушки лежала свернутая одежда. Когда доски были заменены кроватью, переменен матрац и сделана соломенная подушка, батюшка выразил удовольствие и, поблагодарив меня, сказал:

– Вот теперь хорошо.

Грустно было видеть и то, что батюшка лежал в ватнике и валенках. Это при температуре 40 градусов, в июньские жаркие дни! Ватник был снят, и батюшку покрыли одеялом, валенки тоже были сняты. В них оказалось необыкновенно много вшей... Не буду распространяться о невнимательном отношении к батюшке служивших ему, скажу лишь, что батюшка все время терпел и никому ни на что не выражал своего недовольствия.

В среду, 11 июня, днем было так плохо батюшке, что думали не доживет до утра, посему поспешили причастить. После причастия стало лучше.

Батюшку очень беспокоил пролежень, и очень страдал от того, что легкие его сократились и ему нечем было дышать. В трудные минуты он метался, не находил места, то ляжет, то встанет. "Нечем, – говорил, – дышать. Дайте воздуху, дайте хоть чуточку". Просил положить на пол. Когда еще ему становилось легче, он тихо молился: "Господи, помоги! Господи, помилуй". При повышенной температуре иногда бредил, вспоминая своих духовных детей, приводил их к покаянию, читал каноны, крестил воздух и очень часто вспоминал своих духовных детей и Оптинского старца о. Макария. "Смотрите, – говорил, – вот пришел ко мне старец о. Макарий и сел, а вы не видите".

Аппетит у батюшки отсутствовал. Выпивал два-три сырых яйца в день, два стакана чаю с вином и две чашки молока, иногда съедал две-три штуки печенья покупного.

В субботу, 14 июня, был приглашен доктор, внимательно выслушал батюшку и в утешение ему сказал:

– Никакой скоротечной чахотки нет, слабость – явление временное, все пройдет.

А мне доктор прямо сказал:

– У батюшки цветущий туберкулез (то есть в полном расцвете, в полном разгаре), и все уже кончено. Живет он только потому, что у него здоровое сердце.

Слова доктора, сказанные батюшке, по-видимому, успокоили и утешили его, так как после этого он начал даже думать и просить о подаче заявления о переводе его в более благоприятную в климатических отношениях местность. Время шло, а батюшка все слабел, но несмотря на это, когда он чувствовал себя лучше, собственноручно писал, хотя и с трудом, краткие записки некоторым своим духовным детям, некоторым писал по несколько слов на их письма, некоторым диктовал записки и собственноручно подписывал. 20 июня просил лист бумаги и хотел что-то написать, но слабость не позволила, – написал лишь две строчки: "Какая красота в духовных книгах".

20 или 21 июня у батюшки прошла кровь через желудок, после чего он совершенно ослабел, но еще 21 июня продиктовал несколько записок и ослабевшею рукою подписал. 25 июня в двенадцать часов дня батюшку причастил о. архимандрит, родной брат одной из духовных дочерей батюшки, и сейчас же прочитал отходную. Здесь надо сказать, что батюшка причащался почти ежедневно, когда был в силах сам причащаться, а когда совершенно ослабел, причащал духовник или кто-нибудь из иеромонахов. В два часа дня того же 25 июня батюшка пил чай, и в семь часов вечера я спросила:

– Не желаете ли батюшка выпить чаю?

В ответ на это он отрицательно покачал головой и как бы стал засыпать, глаза были закрыты, дыхание тяжелое, слышен был стон. После девяти часов вечера я прилегла отдохнуть, а о. Петр сидел за столом и писал. Не помню, сколько я пролежала, но когда встала, батюшка спокойно лежал на левом боку, редко дышал и тихо стонал, голова была наклонена к плечу. Я подошла к нему и говорю о. Петру:

– Что же Вы не подойдете к батюшке, ведь он умирает.

– А я не подумал, – ответил о. Петр, – хотел кончить письмо и ложиться спать, полагал, что батюшка уснул, ведь он так стонет около часу!..

За сим подошел к батюшке и о. Петр, и мы вместе смотрели, как батюшка выпускал дух: тихо дыхнул он несколько раз, и душа разлучилась с телом. Было 10 часов 40 минут вечера. Батюшка как лежал на левом боку с наклоненной к плечу головой, так и остался. Не было ни малейших конвульсий. Глаза были закрыты, рот несколько приоткрыт. Лицо было спокойное, белое, приятное, улыбающееся.

О. Петр сейчас же натер новопреставленного маслом, одел длинную рубашку, а затем мы вместе уже одели новый подрясник, подпоясали ремнем, затем полумантию и сверху епитрахиль, а на руки поручи, вместо камилавки скуфью. Рот закрывала и волосы расчесывала я. Батюшка очень быстро застыл.

На второй день, 26 июня, пришел позванный о. архимандрит, один протоиерей, один игумен и четыре иеромонаха, тихо положили батюшку во гроб, прочитали канон на исход души, отслужили большую панихиду, а затем начали отпевать по чину монашескому. Приятно было смотреть, как священнослужители окружили гроб новопреставленного священноинока, тихо пели надгробные песни и усердно молились о упокоении его души. Все священнослужители были одеты в полумантии и епитрахили. Достоинно примечания то, что все эти лица находились на работе в шестидесяти верстах от своих жилищ и вдруг за неделю до смерти батюшки были отпущены. Точно батюшка их ждал и не умирал...

Похороны были в пятницу, 27 июня. Гроб по деревне провезли на санях по глубокому песку. О. Петр вел лошадь, а я поддерживала гроб. За деревней опять взяли гроб на руки и понесли лугом до кладбища. В два часа дня опустили в могилу, на могиле поставили большой крест. После похорон была устроена поминальная трапеза, одних священноиноков сидело за столом двенадцать человек. Все остались довольны.

Должна сказать, что у о. Петра были такие планы: гроб с батюшкой доставить на кладбище на лодке и похоронить, а затем уже дома заочно отпевать. Этому я энергично воспротивилась, и Господь помог устроить так, как сказано выше. О. Петр был против устройства поминальной трапезы, но все обошлось по хорошему, и мы с о. Петром расстались мирно.

Батюшка видел, что он уже не жилец, писал многим, что уже не надеется на свидание в здешней жизни, но не заметно было, чтобы он выражал страх смертный. Часто говорил, что не чувствует приближения смерти, и все надеялся на выздоровление и даже думал, как выше сказано, о подаче заявления с просьбой о переводе в другую местность. Часто вспоминал мать Амвросию, говоря:

– Если бы здесь была м. Амвросия, она бы мне все сказала.

Батюшка даже молился, чтобы Господь открыл ему или кому-либо из его духовных детей, выздоровеет ли он или нет. Месяца за два или полтора до смерти батюшки одна духовная дочь его видела сон: пришел батюшка о. Варсонофий в дом Марии Ивановны и начал все выносить из комнаты батюшки. Когда батюшка о. Варсонофий взял кровать, видевшая сон сказала:

– Батюшка, зачем Вы выносите кровать, ведь батюшке Никону негде будет спать!

Батюшка о. Варсонофий ответил:

– Он собирается ко мне, и ему кровать не нужна, я ему там дам кровать.

Не был ли этот сон как бы ответом на молитву? Батюшке хотелось повидаться со своими близкими по духу, ему, по-видимому, очень не хотелось умирать. Батюшка до самой смерти сохранил присущую ему веселость, улыбался, когда чувствовал себя хорошо, с любовью расспрашивал о своих духовных детях и знакомых, рассказывал о своих переживаниях и страданиях за последние четыре года его жизни. Нельзя было слушать без слез рассказа о сем.

Страдания батюшки были велики, и терпение вызывает глубокое уважение. Достоинно подражания то, что во всех скорбных обстоятельствах батюшка все терпел в молчании, никому ни на что не жаловался, за все благодарил Бога, предавая себя в волю Божию и в этом находя успокоение и отраду для души.

На основании слышанного мною от батюшки полагаю, что чахоткой он заболел, если не в Калуге, так в лагере. Еще перед отправлением в Архангельск врач сказал ему, чтобы он обратил особенное внимание на свое здоровье, которое весьма пошатнулось. Даже советовал подать заявление по прибытии в Архангельск о назначении на комиссию:

– Вас, – говорил врач, – могут послать не на север, а в другое место.

Но батюшка, посоветовавшись с о. Агапитом, не принял в этом направлении никаких мер, сказав:

– Воля Божия да совершится!

В скоротечную чахотка могла перейти в деревне Воспола в конце или начале текущего года, когда батюшка жил на квартире у некоей старухи Старковой, которая издевалась над батюшкой, как жестокий господин над своим невольником. Когда эта ужасная женщина наконец-то убедилась, что батюшка болен (а до этого все думала, что батюшка притворяется) и не может работать, то начала выгонять его из дома, говоря: "Иди куда хочешь, ты работать не можешь и мне не

нужен. Ко мне на квартиру просятся здоровые люди, которые будут мне работать, а ты болен, еще помрешь, что я тогда с тобой буду делать?" Положение батюшки было безвыходное. В это время пришел к нему о. Парфений, которому батюшка все рассказал. Было решено по совету о. Парфения переехать на жительство к о. Петру. Последний в Вербную субботу, 22 марта ст./ст., перевез к себе батюшку уже совершенно больного.

Пробыла я в тамошних пределах семнадцать дней, встречалась со многими монахами и монахинями. Все они отзывались о батюшке, как о достойном пастыре, располагавшем к себе. Многие во время болезни приходили навещать его. Узнав о смерти, очень жалели и с любовью вспоминали о нем. Часто приходил к батюшке о. Парфений. Он был в добрых отношениях с батюшкой, но не был с ним в молитвенном общении, посему отказался от служения панихиды, сказав:

– Он будет на меня обижаться... Я буду за него дома молиться!

Тот же о. Парфений поднимал надглазник и, посмотрев на лицо покойного, сказал:

– Смотрите, сейчас засмеется!

Нелишне здесь упомянуть о сие того же о. Парфения, который он видел за несколько дней до кончины батюшки. О. Парфению виделось: куда-то направлялся батюшка и с ним Кирилл, оба с чемоданами. О. Парфений спросил:

– А меня возьмете с собой?

Батюшка ответил:

– Ты как хочешь, а Кирилла я не оставлю, – и оба пошли дальше.

Но пора мне и заканчивать свои воспоминания. Заканчиваю их словами некоего старца, которые изрекли уста его по получении известия о кончине батюшки:

– Итак волею Божией не стало человека еще молодого, примерного по религиозным, а отсюда и нравственным взглядам, достаточного даровитого, чтобы добре влиять на других и быть полезным делателем на ниве Христовой. Господь все устраивает на пользу людей для вечного блага. Так и о. Никону были попущены немалые испытания, чтобы в молодых годах земной жизни он созрел для доброй вечности. "Блажен путь воньже идиши душе, яко уготовася тебе место упокоения". Сии слова так приложимы к покойному! Он потрудился для чад своих, покрываем милосердием Отца Небесного, неизреченная милость Которого и нас да не минует!..

Вечная тебе память, дорогой отец, благодетель души моей! Рана так глубока, что малейшее прикосновение к ней производит болезненное ощущение...

12/25 августа 1931 г.